

Ричард Пайпс

ТРИ «ПОЧЕМУ» РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Вступление

История русской революции оставалась главной темой профессиональных занятий на протяжении всей моей жизни: я посвятил ей и самую первую книгу, и самую последнюю, изданную через сорок лет после первой. Многочисленные работы, опубликованные в промежутке, также главным образом посвящены революции или же непосредственно предшествующим ей периодам. Мой интерес к данной теме в значительной мере объясняется тем, что я родился сразу же после революции, причем в Польше, непосредственно граничащей с Россией, и жил с тех пор в мире, ощущавшем на себе существенное воздействие послереволюционного развития событий.

Моими главными историческими трудами, посвященными данной теме, являются книги «Русская революция» (1990) и «Россия под властью большевиков», вышедшая четыре года спустя. Суммарный объем двух книг — 1350 страниц текста, освещающего в достаточно детализированной форме русскую историю за период с 1899-го по 1924 г. Там представлена доказательная сторона обобщений, сделанных в настоящей работе, основанной на курсе лекций, прочитанных мною в январе 1995 г. в венском Институте гуманитарных наук. В этих лекциях я обратился к тому, что представляется мне тремя центральными проблемами или тремя «почему» русской революции: а именно к причинам крушения царизма, триумфа большевиков и прихода к власти Сталина. Мои ответы на эти вопросы во многих аспектах отличаются от тех, что дают представители так называемой ревизионистской школы историографии, которая появилась на Западе в шестидесятые годы и достигла на сегодняшний день академической респектабельности. Там, где ревизионисты, подобно прежним советским историкам, подчеркивают социальную составляющую происходящего, я уделяю главное внимание политической. Методически разнящимися подходами обусловлено и очевидное расхождение истолкований: на взгляд ревизионистов, приводным ремнем истории являются безудержные и анонимные силы, тогда как, на мой взгляд, решающим фактором выступает человеческая воля.

По мере того, как продвигалась работа, у меня появилась возможность

получить доступ к советским архивам. В настоящей статье учтена информация, полученная мною уже по завершении работы над «Россией под властью большевиков», включая и ту, что почерпнута из секретного ленинского фонда в Центральном Партийном Архиве в Москве.

Глава первая Почему пал царизм?

Моей темой является русская революция, самое главное (правда, не бесспорно) событие двадцатого века. Я пришел к тщательно продуманному выводу: если бы не произошла русская революция, в истории, скорее всего, не нашлось бы места национал-социализму и, возможно, Второй мировой войне, а также деколонизации, и уж определенно холодной войне, ставшей доминирующим фактором нашей жизни в послевоенные десятилетия. В настоящей работе я предпринимаю попытку извлечь квинтэссенцию из моих книг «Русская революция» (1991) и «Россия под властью большевиков» (1994), подняв три центральных вопроса, подразумеваемых в данных томах, а именно: Почему пал царизм? Почему большевики захватили власть? Почему на смену Ленину пришел Сталин?

Некоторые аспекты русской революции до сих пор окутаны покровом тайны, в значительной мере потому, что на протяжении семидесяти с лишним лет руководство советских архивов перекрывало доступ к ним как для иностранцев, так и для независимых русских исследователей. Доступ к архивам был предоставлен лишь тем специалистам, которые получили своего рода лицензию у коммунистического руководства и были готовы строго придерживаться партийной версии событий, базирующейся на предпосылке неизбежности революции, равно как и неизбежности победы большевиков. Эти архивные депозитарии, с некоторыми исключениями (существенным среди которых является так называемый Президентский архив), ныне открыты для всех заинтересованных сторон, что впервые дает возможность восстановить свободную от требований политической конъюнктуры картину событий. Я нанес несколько визитов в самый значительный из этих архивных депозитариев, ранее известный как Центральный Партийный Архив при институте Маркса—Энгельса—Ленина, а теперь переименованный в Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. В нем хранятся подлинники бумаг, принадлежащих перу всех вождей движения, некогда называвшегося марксистско-ленинским, равно как и производных от него типа Коммунистического интернационала.

Хотя мне не удалось сделать каких-либо сенсационных открытий, — в

конечном счете подлинные намерения советского режима точно так же, как любого другого, раскрываются в его действиях, — эти лишь совсем недавно ставшие общедоступными документы проливают свет на образ мышления и характер взаимоотношений вождей, тогда как ранее и то, и другое считалось государственной тайной.

Недопущение к архивам независимых исследователей было, однако же, не единственной причиной во многом сохраняющего свою силу и поныне непонимания русской революции. Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что советский режим, в самооценке, находил истоки своей политической легитимности в истории и поэтому придавал истории высокое политическое значение. Присягая на словах в верности наиболее совершенным идеалам демократии, он на деле ни разу не решился на общенародные выборы. Конечно, большевики приняли участие в выборах в Учредительное собрание, состоявшихся в ноябре 1917 г., но после того, как партия Ленина, уже находившаяся у власти, получила на этих выборах менее четверти голосов, Ленин распорядился Учредительное собрание разогнать. Соответственно, и в дальнейшем в стране Советов за весь период ее существования ни разу не прошли выборы, которые можно было бы признать таковыми в общеупотребительном смысле слова.

Коммунисты утверждали, будто они избраны самой Историей для того, чтобы стремительно перенести все человечество из общества, базирующегося на классовой основе, в общество бесклассовое. По этой причине манера изложения и преподавания российской истории была для них куда важнее, чем для обществ, власть в которых легитимизирована мандатом народного доверия. Изучение всей российской истории и в особенности ее последнего периода проходило под тотальным контролем идеологических органов партии, искажавших и перекраивавших факты и их интерпретацию таким образом, чтобы это на любой данный момент совпадало с линией партии. Таким образом, историческая наука стала отраслью пропаганды. Советская историческая литература мало интересовалась тем, что происходило в действительности, отражая вместо этого лишь такие представления о случившемся, какие власть хотела внушить народу. Со временем хитросплетения полуправды, четверть-правды и откровенной лжи превратились в столь непроходимые дебри, что независимому исследователю приходится прорубаться сквозь них, как если бы он вдруг очутился в первозданном тропическом лесу. Нет ничего удивительного в том, что поприще исследователя современной российской истории едва ли могло привлечь к себе в Советском Союзе по-настоящему одаренных людей и уж подавно — никого, обладающего достаточной широтой кругозора, потому что сам кругозор оставался

прерогативой КПСС.

К сожалению, начиная с шестидесятых годов и далее размышления примерно того же порядка посетили и западную науку, дав изначальный толчок школе так называемого ревизионизма, приверженцы которой в Соединенных Штатах, Англии и Германии, по различным причинам как интеллектуального, так и личного свойства, — начали по собственной воле и свободному выбору вторить истолкованиям русской революции, являвшимся на тот момент в СССР сугубо обязательными. Их ревизионизм заключался в попытке вытеснить открытия независимых ученых из числа русских эмигрантов и их западных последователей (представлявших собой по отношению к «ревизионистам» непосредственно предшествующее поколение ученых), принимая — с незначительными изменениями — темы и интерпретации исторической псевдонауки СССР постсталинского периода, которая, как и раньше, находилась под властью и под контролем партии. В некоторых случаях выступление с позиций ревизионизма было обусловлено искренними сомнениями в справедливости и правомерности традиционных западных подходов с их упором на политические аспекты.

Отчасти находясь под влиянием марксизма, а отчасти вдохновляясь французской школой «Анналов», такие ученые настаивали на необходимости изучения истории «снизу» или исходили из предпосылки, что историей движут исключительно социальные конфликты. Другие вступали на тот же путь, руководствуясь куда менее похвальными личными мотивами: приятие — в самом широком смысле слова — той версии истории, которая была одобрена советской властью, открывало для них доступ во второстепенные архивные фонды в СССР и обеспечивало иными преимуществами и выгодами, которые была в состоянии предоставить Москва. Важно и то, что ревизионизм оказался встроен в современную интеллектуальную жизнь, всемерно поощряющую изобретения и открытия любого рода. Амбициозным молодым ученым не хотелось становиться на сторону старших — ибо, если бы они всего лишь соглашались с выводами предшественников, то как им было доказать собственную значимость? В подобной обстановке, когда она становится преобладающей, сказать или сделать что-нибудь новое оказывается куда более выгодным, чем быть или остаться правым.

Все эти факторы играют свою роль, и я не в состоянии вычленил один из них как решающий. Но факт остается фактом: если все, за редкими исключениями, ученые Запада, публикующие работы по истории Третьего рейха, не скрывали и не скрывают однозначной враждебности к нацизму, то большинство западных авторов, выступивших за последние тридцать лет с работами о коммунизме и о Советском Союзе, в большей или

меньшей степени обоим этим явлениям сочувствуют. В прошлом они имели тенденцию подчеркивать положительный опыт и достижения России после 1917 г. и объяснять ее провалы или тяжелым наследием царизма или враждебностью окружения; если не удавалось ни то ни другое, — естественными трудностями, которыми сопровождается попытка построения принципиально нового общества, основанного на равенстве и социальной справедливости. Как мне кажется, немецкие историки особенно старательно избегают критики коммунистического прошлого и определенно пасуют перед любыми попытками провести какие бы то ни было параллели между национал-социализмом и коммунизмом. Их страстный отказ даже от рассмотрения совпадений такого рода, их преследование всякого, кому вздумается обратить их внимание на эти связи и сходства, заставляют предположить, что они испытывают психологическую необходимость дезидентификации с нацизмом: а поскольку нацисты были антикоммунистами, сам антикоммунизм окрашивается в их сознании в нацистские тона. Англоязычные ученые, не страдающие комплексом вины в связи с нацизмом, испытывают меньшие трудности (если они, конечно, не настроены про-коммунистически).

Каковы бы ни были причины, за последние три десятилетия произошла конвергенция подходов со стороны советской и западной историографии применительно к теме революции и первых послереволюционных лет. Господствующей в среде западных историков стала точка зрения, согласно которой падение царизма, равно как и торжество большевизма были предопределены, тогда как насущная необходимость сделать преемником Ленина именно Сталина была своего рода исторической случайностью. Однако вплоть до настоящего времени такие историки не способны объяснить главного: почему же подобная случайность имела место.

Центральным полем, на котором школа ревизионистов бросила вызов историкам, придерживающимся ортодоксальной версии, являются события октября 1917 г. Вопрос (на время начала спора) стоял так: был ли захват власти, осуществленный большевиками, народной революцией или заурядным переворотом; вынесла ли большевиков на гребень власти волна широкой поддержки со стороны масс или же они украли власть, как тать в нощи. Западные историки — особенно представители младшего поколения — все сильнее и сильнее склоняются к советскому взгляду на вещи, согласно которому в октябре 1917 г. и впрямь произошла народная революция, в ходе которой действия большевиков определялись давлением широких масс. Мой тезис полностью противоположен тому, который выдвинули и пропагандируют ревизионисты и который к настоящему времени стал в университетах западного мира в буквальном

смысле слова обязательным. Я постулирую и подкреплю доказательствами тот тезис, согласно которому ни в падении царизма, ни в захвате власти большевиками не было ничего заранее predetermined. Строго говоря, мне кажется, что захват власти большевиками был своего рода аномалией, однако, поскольку он произошел и машина тоталитаризма оказалась запущена, подъем к вершинам власти Сталина стал неизбежным последствием этой аномалии.

Проблемы, постановка которых начинается с вопросительного слова «почему», представляют собой наиболее сложный аспект исторического исследования, потому что такие проблемы самореализуются сразу на нескольких — и разнящихся по своей природе — уровнях. Приводимую ниже аналогию мне уже доводилось использовать ранее, но, поскольку она точна, я повторяю, чтобы проиллюстрировать свою мысль. Когда вы трясете яблоню и яблоки с нее каскадом обрушиваются наземь, то по какой причине они падают? Из-за того, что вы трясете дерево? Или из-за того, что плоды перезрели и, следовательно, раньше или позже упали бы и сами, без вашей помощи? Или дело заключается в законе тяготения, заставляющем предметы падать непременно в сторону земли? Обращаясь к человеческой деятельности, мы усматриваем сходные уровни объяснения, от наиболее специфических до самых общих, и уяснить, какой из них решающим образом предопределяет окончательный результат, представляется едва ли возможным. Как правило — и как это видно на примере с яблоней, — удастся обнаружить связку причин, существующих на трех разных уровнях: на общем, на промежуточном и на конкретном, причем на последнем уровне важную роль играют случайные обстоятельства.

Общий уровень соответствует тенденциям, которые не удастся поставить под свой контроль ни отдельному человеку, ни каким бы то ни было группам; это не столько события, сколько процессы, они развиваются сами по себе, они оползают, как снежные лавины. Упадок Рима, чтобы не ходить далеко за примерами, был одним из таких процессов-событий, предотвратить его не мог никто: распад был встроен в саму систему, гниение протекало вяло до того момента, пока она не рухнула вся.

Далее, кое-что происходит и на промежуточном уровне: здесь действуют люди и группы людей, и их действия вносят существенную разницу в окончательный результат; позвольте проиллюстрировать это американской революцией и родившимся из нее конституционным строем.

И наконец, уровень, на котором действует фактор случайности. В канун большевистского переворота, вечером 24 октября 1917 г., Ленин покинул одну из конспиративных квартир, на которых он с начала июля

скрывался от полиции, имевшей ордер на его арест. Он отправился в Смольный, штаб-квартиру большевистского командования, обмотав лицо так, словно шел к зубному врачу. Говорят, его остановил конный патруль. Услышав, что у него требуют предъявить документы, Ленин притворился пьяным, и его отпустили. А если бы арестовали, то, возможно, никакого большевистского переворота никогда бы не произошло, потому что Ленин был душой переворота и, к тому же, единственным, у кого имелся определенный план действий. Аналогичным образом, если бы Фанни Каплан — террористка из эсеров, стрелявшая в Ленина в августе 1918 г., — не страдала дефектом зрения и взяла бы, прицеливаясь, на миллиметр левее или правее, он был бы убит, а большевистский режим, уже находившийся на грани гибели, скорее всего, рухнул бы.

Мой почти полувековой научный опыт, подкрепленный двухлетней службой в Вашингтоне, убеждает меня в том, что попытка найти одно-единственное объяснение случившемуся событию представляет собой в большинстве случаев занятие совершенно бесплодное. Подобно хирургу, историк должен искусно использовать инструменты во всем их многообразии, если он стремится вскрыть причины общих событий. Любое однозначное объяснение непременно окажется ошибочным.

Психологически вполне естественно предположить: то, что произошло, непременно должно было случиться. Люди, исповедующие подобный подход, часто «переводят» его на язык научной терминологии, на деле же он базируется на весьма примитивной психологии. Большинству людей трудно представить себе, что происшедшие события могли и не случиться или же случиться по-другому, потому что, приняв эту предпосылку, неизбежно сталкиваешься с вопросом: «Если это могло произойти по-другому, то почему не произошло?» Подобный фатализм присущ историкам ревизионистской школы в их отношении к крушению царизма. Историки левого толка немало потрудились над тем, чтобы доказать, что крушение царизма было неизбежно вне зависимости от того, ввяжется Россия в Первую мировую войну или нет, но подобные суждения выдерживают критику, только будучи сделаны задним числом. Было бы славно, если бы эти историки обладали способностью предсказывать будущее с такой же точностью, с какой они «предсказывают» прошлое, но никто из адептов исторической неизбежности применительно к падению царизма не смог предвидеть распада СССР. И если почитать русскую и иностранную прессу до 1917 г. или воспоминания, написанные в тот же период, станет ясно, что и тогда практически никто не ожидал падения царизма. Напротив, люди полагали, что царизм сохранит свою власть еще надолго.

Одна из причин, по которой русские радикальные революционеры и

даже либералы выступали против режима с такой безоглядой отвагой, заключалась в их убеждении в исторической безнаказанности, поскольку сам режим несокрушим. И правда: разве не справился царизм со всеми бедами и напастями, разве не преодолел все кризисы, разве не вышел из них целым и невредимым? Особенно справедливо это по отношению к революции 1905 г., которая в своей высшей точке, казалось, вот-вот сметет правящий режим. И все же за два года, пойдя на определенные политические уступки в Октябрьском манифесте, режим установил порядок в стране и вновь прочно уселся в седле. Вдобавок к этому следует сказать, что еще в январе 1917 г., находясь в эмиграции в Швейцарии, Ленин пророчествовал, что ни ему самому, ни его поколению не дожить до революции в России. И пророчествовал он так за семь недель до падения царизма. Если и был в Европе человек, понимавший всю слабость царской России, то этим человеком был Ленин, и все-таки даже он оказался не в состоянии предвидеть ее близкой гибели, которая кажется ныне — задним числом — столь очевидной историкам-ревизионистам.

Другим доказательством того факта, что современники верили в несокрушимость царизма, являются крупные иностранные капиталовложения в экономику России периода позднего самодержавия, делавшиеся главным образом французами, хотя и не только ими. Миллиарды долларов были вложены в русские займы и страховые полисы — и практически все эти деньги были потеряны в 1918 г. после того, как большевики отказались от государственного долга и национализировали предприятия частного сектора.

Некоторые историки из числа отстаивающих неизбежность крушения царизма ссылаются, в подтверждение своего тезиса, на огромное число промышленных забастовок, прокатившихся по всей России в канун Первой мировой войны. Но и этот аргумент не выдерживает критики. Действительно, число забастовок, имевших место в России в тот период, было беспрецедентным, но с тем же самым феноменом мы сталкиваемся в Англии и Соединенных Штатах. Непосредственно в канун августа 1914 г. в обеих этих странах имели место массовые остановки производства, а революции, однако же, не произошло. Действия, предпринимаемые трудящимися, редко имеют политическую мотивировку и, соответственно, едва ли могут рассматриваться как серьезный симптом скорого крушения режима. В России забастовки являлись, в основном и главным образом, проявлением нарастающей силы рабочих организаций. До 1905 г. царизм считал профсоюзы нелегальными и безжалостно подавлял забастовки. После событий 1905—1906 гг. профсоюзы были легализованы, а забастовки разрешены. Начиная с этого момента остановки производства развивались с нарастающей интенсивностью: рабочие организации

боролись за лучшие условия и более высокую оплату труда.

Исключительно важным фактором сохраняющейся (по меньшей мере, до поры до времени) стабильности было отсутствие беспорядков в российской деревне. Три четверти подданных империи зарабатывали на жизнь сельскохозяйственным трудом. В России перед Первой мировой войной насчитывалось приблизительно сто миллионов крестьян и только два-три миллиона рабочих, причем треть из числа последних составляли сезонные работники из крестьян, используемые на строительстве и ремонте железных дорог, которых едва ли можно назвать рабочими в общепринятом смысле слова. С точки зрения царской полиции, даже вспыхивавшие время от времени рабочие беспорядки не мешали держать ситуацию под контролем, пока деревня оставалась спокойной, — а она оставалась таковой и непосредственно перед войной и в военные годы благодаря хорошим урожаям и высоким закупочным ценам на сельскохозяйственную продукцию.

Я показал, почему царский режим вовсе не обязательно должен был рухнуть. Остается, однако же, вопрос, почему он, тем не менее, рухнул? Чтобы ответить на него, нам необходимо избавиться от марксистского представления о том, что все исторические события детерминированы общественными конфликтами — или, как сказано в «Коммунистическом манифесте», история представляет собой историю классовой борьбы. Этот тезис просто ничем не подтвержден. Конечно, в истории мы встречаемся со многими классовыми конфликтами, но нам известны и события, имеющие совершенно иные причины: идеологические, религиозные и так далее. Как я уже говорил, любое однолинейное объяснение того или иного исторического феномена (а объяснения марксистов именно таковы) непременно оказывается ложным и может быть обосновано лишь путем исключения из рассмотрения событий, не поддающихся классовой интерпретации, или же путем подгонки их на прокрустовом ложе экономического детерминизма с тем, чтобы они такой интерпретации поддались. Позвольте напомнить о недавней русской революции в августе 1991 г. Крушение Советского Союза — державы, казавшейся нам столь же незыблемой, как и тем, кто жил до нас, царская Россия, — не было инициировано социальными беспорядками: отсутствовали волны забастовок, массовые демонстрации, широкомасштабные вспышки насилия. СССР распался в результате политических решений, принятых руководством. Меня не удивляет тот факт, что историки-ревизионисты, усматривающие причину краха царизма в якобы массовых общественных беспорядках, отказываются применить тот же шаблон к причинам распада СССР: поступив так, они неизбежно столкнулись бы с пустотой. А это перевернуло бы всю картину, созданную ими применительно к событиям

1917 г.

В обоих случаях — и при крушении царизма в марте 1917 г., и при крушении Советского Союза в августе 1991 г., — мир оказался застигнут врасплох. За одним-единственным исключением, никто на Западе, насколько мне известно, не предсказал распада СССР. И этим пророком оказался английский журналист Бернард Левин, в 1979 г. предсказавший, что через десять лет Берлинская стена падет. Он гордится точностью своего предсказания — и у него есть все основания этим гордиться. Но он не предложил никакого объяснения тому, почему так должно было произойти, или, уже теперь, задним числом, почему так произошло, поэтому я подозреваю, что его удача носит характер выигрыша в лотерею.

Я отношусь в высшей мере скептически ко всем марксистско-социалистическим подходам к истории, особенно — к истории революций, поскольку убежден: когда так называемые массы устраивают беспорядки, причиной последних являются какие-то конкретные тяготы, вполне подлежащие устранению или смягчению в рамках существующего строя. Только тяготы, испытываемые интеллектуалами, носят всеобъемлющий характер, только интеллектуалы убеждены в том, что ничего нельзя изменить, пока не изменишь всего. Подобные представления несвойственны широким слоям народа, независимо — крестьяне это или рабочие. Весной 1905 г. самодержавие предложило народу отправлять письменные жалобы правительству. Сотни таких жалоб и впрямь были посланы. Согласно проделанному анализу, ни в одной из жалоб не выдвигалось требования о фундаментальной ломке режима, то есть об отмене самодержавия. Крестьяне просили о снижении налогов и об увеличении земельных наделов; рабочим хотелось получить восьмичасовой рабочий день и право организовывать профсоюзы; национальные меньшинства добивались большей автономии.

Все эти требования вполне можно было удовлетворить в рамках существовавшего режима, если бы у его руководителей хватило смелости на это пойти, а у интеллигенции — здравого смысла этому помочь.

Исследователи революций подметили то обстоятельство, что, как правило, повод для недовольства люди относят не столько к будущему, сколько к прошлому. Вместо требования для себя новых прав, они чаще жалуются на то, что их несправедливо лишили прежних — как подлинных, так и существующих лишь в их воображении. Это справедливо и по отношению к России, в особенности применительно к вопросу о земле — единственной по-настоящему взрывоопасной социальной проблеме. Крестьяне твердо веровали в то, что Бог сотворил землю (точно так же, как Он сотворил воздух и воду) для всеобщего пользования и благоденствия. Землей можно пользоваться, но владеть ею нельзя. Они добивались отказа

от частной собственности на землю не в качестве революционного шага, прокладывающего дорогу социализму (как ошибочно толковали их чаяния многие революционеры), но в качестве восстановления традиции, восстановления порядка вещей, который, как они были убеждены, существовал с незапамятных времен. Один из исследователей России писал, что для мужика смена режима была столь же непредставима, как смена климата: и самого царя, и все, что было связано с монархией, он рассматривал как ниспосланное свыше.

И лишь радикальная интеллигенция сознательно канализировала конкретные проявления общественного недовольства, направляя их в сторону полного отрицания политической и общественной системы. Такова была тактика, принятая в 1905 г. Союзом союзов, тон в котором задавали либералы; стратегия же заключалась в том, чтобы заставить каждый связанный с ним профессиональный или трудовой союз политизировать собственные требования. Например, когда профсоюз требовал сокращения рабочего дня или повышения оплаты труда, интеллектуалы из Союза союзов принимались убеждать, что и столь скромные требования не могут быть удовлетворены до тех пор, пока не окажется уничтоженной вся политическая система, существующая в стране, а на смену самодержавию не придут парламентская демократия и конституция. Рабочие могли оставаться совершенно равнодушными и к парламенту, и к конституции, но такие требования включались в их петиции либеральной интеллигенцией. Именно так и случилось в ходе знаменитой процессии в Кровавое воскресенье (9 января 1905 г.), закончившейся бойней, которая, в свою очередь, послужила детонатором первой русской революции.

Прежде чем перейти к вопросу об интеллигенции, обсудим органическую слабость царского государства, делавшую его уязвимым перед такими атаками, какие предпринимались в начале столетия и внесли существенную лепту в его окончательное крушение. Изучая русскую историю с позиций истории европейской, сразу же подмечаешь, что российское государство с самого начала «строилось» сверху куда в большей мере, чем «вырастало» снизу. Народ был всего лишь объектом приложения власти. В этом отношении Россия весьма походила на восточные государства. Империей традиционно правили чиновничество и дворянство, после 1880 г. на помощь им пришла тайная полиция. Это было русским изобретением: Россия оказалась первой страной, заведшей у себя две полицейских системы — одну для защиты государства от граждан, а другую — для защиты граждан друг от друга. Впоследствии подобная двойная структура стала фундаментальной чертой тоталитарных государств.

Изучая историю России с западноевропейской точки зрения, осознаешь последствия для нее отсутствия подлинного феодализма. Феодализм создал на Западе разветвленную систему экономических и политических институций, которые смогли пригодиться централизованному государству, едва оно пришло на смену феодальной системе, — как источник общественной поддержки и относительной стабильности. Россия же не знала феодализма в подлинном смысле слова, поскольку, после возникновения Московского царства в пятнадцатом и шестнадцатом веках, все землевладельцы оказались на положении подданных престола, а вассальные связи низшего порядка так и остались неизвестными. В результате вся власть оказалась сосредоточена в руках монарха. Линии власти шли с самого верха вниз; линий горизонтальных практически не было. То обстоятельство, что бразды правления оказались в руках монарха и его непосредственного окружения, означало, что в период кризиса государство непременно должно было дезинтегрироваться: в отсутствие монарха бразды правления бессильно провисали, а больше держать страну было нечем.

Так случилось в 1917-м и повторилось в 1991 г.: когда линии власти, контролировавшиеся исключительно Политбюро и Центральным Комитетом, оказались порваны в результате разногласий, возникших в руководящих органах партии, Россия распалась, причем столь же стремительно, как царская Россия за семьдесят четыре года до того.

Мне представляется в высшей степени примечательным то, как, в сопоставлении с этими событиями, быстро встала на ноги в политическом смысле Германия после беспорядков 1918 г. Император бежал в Голландию, повсюду появились Советы, но всего три или четыре месяца спустя — в стране избрали Национальное собрание и восстановили демократическое правление. В России такого не произошло. В германском обществе силы со сравнительно низших уровней подались вверх, чтобы заполнить временно образовавшуюся пустоту, тогда как в России, стоило пустоте образоваться на самом верху, ничего не осталось и на сравнительно низших уровнях управления. Лишь новый авторитарный режим, навязанный сверху, смог воссоздать нечто более или менее похожее на порядок.

Таким образом, мы находим в начале века скорее механически, нежели органически структурированное государство, не дающее народу участвовать в управлении страной и, тем не менее, одновременно претендующее на статус мировой державы. Стремление к этому статусу вынуждает государство форсировать промышленное развитие и поднимать уровень образования, что неизбежно приводит к большей разноголосице мнений и к пробуждению воли у частных лиц к принятию

самостоятельных решений. Царская Россия в канун 1905 г. страдала от неразрешимого противоречия. Уже не столь малочисленная, чтобы ею можно было пренебречь, часть населения получила среднее и высшее образование, приобретя и западные взгляды на жизнь, а государство обращалось с этими людьми так, словно они по-прежнему оставались на уровне безграмотного крестьянства и были неспособны участвовать в решении вопросов государственной важности. Предприниматели и банкиры принимали большую часть решений, которыми обуславливались экономическое развитие страны и вопросы занятости, и все же не имели голоса в политической жизни, ибо политика оставалась монопольной прерогативой чиновничества. Здесь уместно напомнить, что в императорской России (равно как и в Советской России) для того, чтобы претендовать на участие в управлении страной, надо было обладать официальным рангом («чином») или быть членом номенклатуры. Подобная практика не давала возможности рядовым гражданам участвовать в управлении страной, что общепринято в демократиях западного типа, отдавая всю сферу политики в руки профессиональных чиновников. А эти чиновники присягали на верность лично царю, а вовсе не народу или стране в целом, и считали себя слугами царя, а не общества.

В результате сложилась ситуация, которая, как совершенно справедливо предсказывал Маркс, неизбежно складывается каждый раз, когда политическая форма — в данном случае жестко централизованная и инертная — перестает соответствовать общественно-экономическому содержанию — все более динамическому и многообразному. Такая ситуация самым естественным образом становится взрывоопасной. В 1982 г., когда я работал в Совете по национальной безопасности, меня попросили подготовить несколько тезисов важной речи, которую президент Рейган должен был произнести в Лондоне. Мой вклад в эту речь заключался в ссылке на слова Маркса, согласно которым существенный разрыв между политической формой и общественно-экономическим содержанием приводит к возникновению революционной ситуации. Однако подобный разрыв возник в то время в Советском Союзе, а вовсе не на капиталистическом Западе. Президент Рейган включил этот пассаж в свое выступление, реакцией на что стал взрыв ярости из Москвы: разумеется, этот язык там слишком хорошо знали и умели правильно интерпретировать, чтобы понять, что речь шла об объявлении политической войны всему коммунистическому лагерю. И гнев оказался только сильнее из-за того, что в Москве понимали: данное заявление было верным; советский стиль правления не соответствовал ни экономическому развитию страны, ни образовательному уровню ее населения.

Во многом аналогичная картина сложилась и в предреволюционной

России. В октябре 1905 г., вслед за поражением в войне с Японией и прокатившимися по всей стране беспорядками, которыми это поражение сопровождалось, царское правительство почувствовало себя вынужденным дать стране конституцию и парламент. Разумеется, это было шагом в правильном направлении, позволившем сократить пропасть, уже образовавшуюся между политической формой правления и общественно-экономическим и культурным содержанием. Но, по ряду причин, реформы, дарованные в 1905-м и 1906 г., вскоре оказались выхолощенными. Царская власть, опираясь на реакционные группы поддержки, отказалась от своих уступок, потому что они были навязаны ей под дулом пистолета, тогда как либеральная и радикальная интеллигенция, восприняв эти уступки лишь как прелюдию к наступлению подлинной демократии, отказывалась оставаться в определенных ими границах. Таким образом, каждая из сторон, на свой собственный лад, саботировала конституционные перемены 1905—1906 гг., в результате чего прежняя напряженность сохранялась. Что, однако же, не означает, будто Россия была одержима революционной лихорадкой. Я не нахожу доказательств этому. Нахожу лишь специфические и вполне конкретные поводы для общественного недовольства, в большей или меньшей степени присущие любому обществу, но в случае России находившие неадекватные способы решения. В истинных демократиях накопившиеся подобные поводы для недовольства устраняются в ходе мягких революций, именуемых выборами. В ноябре 1994 г. распределение голосов на выборах в Конгресс Соединенных Штатов безошибочно сигнализировало о неудовлетворенности существующими условиями: поражение потерпели буквально все кандидаты от правящей Демократической партии. В результате изменилась расстановка сил в Конгрессе и произошла поразительно быстрая смена поведения Белого дома, в котором по-прежнему восседал демократ. Однако в царской России подобных возможностей не существовало. Недовольство накапливалось — и к зиме 1916—1917 г., в результате инфляции и перебоев в снабжении, население крупных городов оказалось настроено агрессивно и решительно.

Наконец, мне хотелось бы привлечь ваше внимание к проблеме крестьянства, которая кромешной тучей нависала над Россией со дня ликвидации крепостного права в 1861 г. и которую советская власть «решила» на свой лад, упразднив общинное землевладение и уничтожив при этом миллионы крестьян. Я сошлюсь на уже упомянутое выше нежелание со стороны русского мужика признать право частной собственности на землю. Такой подход выглядит анахронизмом и присущ многим примитивным народам. В случае с Россией он коренится в своего рода коллективных воспоминаниях о Золотом веке, когда земля была

доступна любому, потому что малочисленное население страны было рассеяно по воистину бескрайней территории. Еще на рубеже двадцатого века большинство русских людей, как малограмотных, так и образованных, было убеждено в том, что, стоит отменить право частной собственности на землю, — и пригодной для обработки почвы с лихвой хватит каждому. Фактически же земли не хватало. Народонаселение увеличивалось с поразительной стремительностью: ежегодный прирост составлял от пятнадцати до восемнадцати человек на тысячу жителей. Премьер-министр Петр Столыпин произвел расчеты необходимой площади пахотных земель, которая могла бы прокормить ежегодный прирост населения, и пришел к выводу, что такого количества земли в стране просто нет, даже если встать на путь тотальной конфискации помещичьей. Единственным способом разрешить проблему перенаселения в сельской местности было повышение урожайности и индустриализация страны. Но деньги на существенное повышение урожайности отсутствовали, тогда как промышленность, хоть и разрастаясь, развивалась недостаточными темпами для того, чтобы обеспечить работой то количество рук, которое ежегодно высвобождалось на селе. В результате возникла взрывоопасная ситуация, которую многочисленные программы, инициированные Столыпиным (такие, как переселение или раздача крестьянам государственной собственности), могли бы ослабить, если бы на их реализацию имелось достаточно времени, а радикальная интеллигенция не толкала крестьян на установление собственных порядков.

В итоге императорская Россия на поздней стадии ее существования сохраняла серьезное внутреннее напряжение, обусловленное отчасти нежеланием царизма встать на путь демократических перемен, а отчасти — длительными и взрывоопасными настроениями русской деревни, которой не хватало пахотной земли, чтобы обеспечить работой всех ее обитателей. Однако действительно критическим фактором, тем фактором, который превратил частные и конкретные выражения недовольства во всеобъемлющее отрицание существующего политического, экономического и общественного порядка, — была интеллигенция. Русская интеллигенция, как радикальная, так и либеральная, придерживалась куда более левых взглядов по сравнению с западными интеллектуалами, она исповедовала утопические идеи, вычитанные из западной литературы, не имея возможности опробовать их на практике. Люди, приходящие к власти с готовыми планами великих преобразований, пытаясь реализовать эти планы, как правило, достаточно быстро осознают границы реформ, определенные укорененными обычаями и законными интересами людей. Например, администрация президента Клинтона

взялась за дело, руководствуясь, скорее, радикальными планами, зародившимися в атмосфере теоретизирования шестидесятых годов, но буквально сразу же осознала, что, при всем благородстве намерений, замечательно выглядящее на бумаге не поддается воплощению в жизнь. Однако если амбициозным кандидатам в реформаторы не представляется шанса извлечь урок из претворения идеалов в жизнь, они не только продолжают исповедовать прежние утопические взгляды, но становятся их фанатическими приверженцами, преисполняясь уверенностью в том, что, стоит проявить необходимые решимость и силу, утопия непременно обернется явью.

Русские радикалы, до известной степени поддержанные в этом плане и либералами, противились реформам, потому что успех последних мог бы предотвратить революцию, а именно революцию они и рассматривали в качестве конечной цели. В 1906—1907 гг. было предпринято несколько попыток ввести либералов в правительство, но каждый раз они отказывались из страха быть обвиненными в сговоре с властью. Радикальная интеллигенция постоянно призывала сограждан подвергнуть правительство бойкоту и не иметь с ним ничего общего. Когда правительство ничего не предпринимало, интеллигенция обвиняла его в пассивности; когда делало уступки, интеллигенция считала их вырванными у чиновничества и требовала большего.

Так, выиграв выборы в Первую думу в 1906 г., либералы сразу же решили, что новая конституция ни на что не годна и стране необходим созыв Учредительного собрания, которое провозгласило бы Россию республикой. Такой подход сразу же породил резкие разногласия внутри первого в России представительного органа законодательной власти. Причем возможности для компромисса любого рода просто-напросто отсутствовали. Позднее, уже в годы войны, царское правительство попыталось заключить мир с оппозицией, предоставив Думе на деле, хоть и не на словах, большую часть того, что та требовала, в частности, власть, пусть и неформальную, утверждать назначения членов кабинета министров. Дума же постоянно от этого отказывалась. Интеллигенция рассматривала любой примирительный шаг со стороны правительства как очередное свидетельство его слабости и возможность выдвижения новых требований.

Таковы долгосрочные и промежуточные факторы, обусловившие крушение царизма. Теперь обратимся к краткосрочным. Они тесно связаны с Первой мировой войной. Как известно, война привела к огромному перенапряжению сил всех стран-участниц. Вопреки широко распространенному убеждению в том, что мировой конфликт должен продлиться три или, самое большее, шесть месяцев, он в действительности

растянулся на четыре года с лишним. И странами, справившимися с этим беспрецедентным перенапряжением, оказались те, которым удалось создать правительство национального единства, где государственная власть и политики независимо от партийной принадлежности отказались от существовавших между ними противоречий и объединили силы в совместной работе для победы. В России такое сотрудничество было просто невозможным: слишком глубоко зашла взаимная подозрительность. Правительство страшилось того, что любые уступки политикам из интеллигенции, на какие оно пошло бы во время войны, скажем, предоставление Думе формального права назначать министров (то есть ответственное министерство), позволят интеллигенции уже по окончании войны захватить власть в стране, сведя prerogatives царской власти к чисто церемониальным функциям. Интеллигенция же, в свою очередь, полагала, что любая победа правительства — как на военном, так и на политическом поприще — приведет к усилению монархии и опирающегося на нее чиновничества, ухудшив тем самым перспективы демократии и социализма. В России слишком слабо было развито чувство национального единения, чтобы патриотизм мог добиться какого-либо серьезного успеха, кроме сиюминутного, главным образом, в форме ксенофобии.

Мне неизвестна никакая другая европейская страна из числа принявших участие в Первой мировой войне, где существовала бы столь сильная напряженность между правительством и образованной частью общества, как в России, где две силы, в чьих руках находилась судьба страны, не сотрудничали, а занимались бесконечными распрями. Такая враждебность в годы войны, тем более войны на взаимное истощение, оказалась, разумеется, роковой. В правительстве России имелись люди, всерьез утверждавшие, что подлинными врагами Отечества являются не немцы и не австрийцы, а доморощенные либералы и радикалы. А наряду с этим имелись социалисты и либералы (в их числе депутат Думы Александр Керенский), утверждавшие, что подлинными врагами Отечества являются не немцы, не австрийцы, а царские чиновники. Когда читаешь безответственные речи, которые произносили депутаты в Думе, пользуясь правом личной неприкосновенности, в 1915-м и 1916 г., то есть в самый разгар войны, удивляешься разве тому, как России удалось продержаться столько, сколько она продержалась. Мне кажется, что неизбежная враждебность между правительством и политической оппозицией была первой из непосредственных причин крушения всего режима. Правительство, загнанное в угол, шло на одну уступку за другой, но этого оказывалось мало, потому что либералы и радикалы уже точили ножи, намереваясь окончательно добить его.

Другим фактором было широко распространенное убеждение, согласно которому государственные изменники сумели проникнуть на самый верх. В 1915 г. русская армия потерпела унизительное поражение от немецкой, в результате чего Россия потеряла Польшу, только что завоеванную Галицию и большую часть территорий на побережье Балтийского моря — это были богатые и густозаселенные области. Русским было трудно смириться с мыслью, что их разбили в честном бою превосходящие силы противника; истоки поражения следовало искать в предательстве. А по несчастному стечению обстоятельств, царица была немкой. Патриотка, всей душой преданная России, она, тем не менее, была обвинена молвой в том, что она немецкая шпионка, выдающая своим соплеменникам военные тайны благоприобретенного отечества, подбивающая царя на заключение сепаратного мира. Подозрения в государственной измене на самом верху только усилились, когда в конце 1916 г. премьер-министром был назначен Борис Штюрмер, происходивший из обрусевших немцев. В нашем распоряжении имеются полицейские рапорты той поры, в которых суммируются сведения и настроения, почерпнутые из писем, отправляемых на родину с передовой, равно как и писем, получаемых солдатами из дома; и там и тут отводится много места передаче подобных слухов. Ни одно из обвинений, выдвигаемых общественным мнением против царицы или премьер-министра, не имело под собой никакой почвы; строго говоря, речь шла об измышлениях со стороны политиков, не брезговавших никакими средствами в попытке свалить правительство. Ненависть к престолу позволила образовать беспрецедентный союз радикалов и либералов, ненавидевших царизм по принципиальным соображениям, с консервативными националистами, которых подстрекала к отчаянным действиям вера в мнимое предательство русских интересов во имя немецких. Существование подобной коалиции лишало правительство союзников с обоих флангов и делало его практически беззащитным.

Ошибочно связывать Февральскую революцию с усталостью от войны. Верно нечто прямо противоположное. Русским хотелось вести войну более эффективно, но они чувствовали, что существующее правительство неспособно на это, что политические структуры нуждаются в коренной ломке: необходимо было удалить ставшую изменницей царицу и передать Думе право назначать министров, после и в результате чего Россия окажется в состоянии сражаться по-настоящему и, соответственно, одержать победу. Усталость от войны началась только после неудачного наступления в июне 1917 г., осуществленного Временным правительством для повышения собственного престижа и ради подъема национального духа. До тех пор даже большевики не осмеливались открыто призывать к

миру, поскольку такие призывы были бы крайне непопулярны.

Царь, разумеется, мог бы спасти корону, если бы именно это представлялось ему самой главной задачей. Единственным, что для этого требовалось, было заключение сепаратного мира — точь-в-точь по тому рецепту, к которому прибег Ленин в марте 1918 г. Заключи он такой мир с немцами и австрийцами — а они откликнулись бы на подобное предложение с великой охотой, потому что обеим империям не терпелось положить конец боевым действиям на Восточном фронте, с тем чтобы перенести всю их тяжесть на Западный, — тогда Первая мировая война, возможно, принесла бы прямо противоположные результаты. Пойди он на сепаратный мир, допустим, в конце 1916 г., вернув домой в боевых порядках миллионы солдат, способных положить конец гражданской смуте, немцы, возможно, разбили бы силы Антанты во Франции и Бельгии, а русской революции не случилось бы. Но, будучи страстным патриотом и верным союзником, царь даже не взвешивал подобную возможность. А когда генералы внушили ему, что враждебность по отношению к нему и к царице достигла такой остроты, что для дальнейшего ведения войны Россией необходимо его отречение, он отрекся от престола. И поступил так исключительно из патриотических побуждений. Тщательно проанализировав огромный объем информации, связанной с событиями, приведшими к отречению Николая Второго, я не имею ни малейших сомнений в том, что царь уступал вовсе не всенародному натиску; единственный нажим осуществлялся политиками и генералами, которым устранение монарха представлялось существенным фактором достижения победы. И то обстоятельство, что отречение царя повлекло за собой в военном плане результаты, прямо противоположные ожидаемым, ничего не изменяет в мотивах, которыми Николай Второй, отрекаясь от престола, руководствовался.

У меня нет иллюзий, будто мне удалось перечислить все факторы, сыгравшие роль в крушении царизма. Были и другие, и кое-какие из них я сейчас вкратце перечислю. Одним из достойных упоминания факторов такого рода является потеря престижа царской власти в результате целой серии военных и дипломатических унижений, которые Россия претерпевала начиная с Крымской войны. В восемнадцатом и первой половине девятнадцатого столетия Россия шла от победы к победе; начиная с Крымской войны она неожиданно стала терпеть одно поражение за другим. И это крайне отрицательно сказалось на популярности правящего режима в глазах общества. Воздвигнутый на силе и на силу постоянно опирающийся, царизм должен был сокрушать внешних врагов, а если этого не происходило, значит, в самой его природе коренился какой-то изъян. Разгром в Польше в 1915 г., о котором я уже упоминал,

оказался для многих в России последней каплей, переполнившей чашу. Он наглядно продемонстрировал, что царизм или, по крайней мере, ныне правящий царь неспособен выполнить возложенную на него свыше миссию, которая заключается в приращении российских земель и в защите их от вражеского вторжения. Кто знает, возможно, когда-нибудь, когда откроются все архивы, мы обнаружим, что исход Советской армии из Афганистана сыграл аналогичную роль в падении коммунизма. Разлад транспорта в годы Первой мировой войны умножил лишения, испытываемые населением крупных городов, особенно на севере, где начались перебои с доставкой продовольствия и горючего, что привело к так называемым хлебным бунтам. В городах также сыграла роль инфляция.

Надеюсь, мне удалось набросать в общих чертах образ власти, которая — сколь бы головокружителен ни был ее внешний блеск, внутренне была и слаба, и неспособна эффективно преодолеть напряженность — политическую, экономическую, психологическую, — принесенную войной. На мой взгляд, принципиальными причинами падения режима в 1917 г. (равно как и в 1991-м) были обстоятельства политические, а не экономические или социальные. Разница между давнишними и недавними событиями заключается в том, что тогда, в 1917-м, интеллигенция сформировала политические партии с четко сформулированными программами, нацеленными на кардинальную ломку, тогда как в наши дни политики оказались заинтересованы всего лишь в захвате власти, не имея отчетливых соображений относительно того, куда повести страну, кроме как назад.

Глава вторая

Почему восторжествовали большевики?

Второй загадкой русской революции является вопрос о причине победы большевиков. Октябрьские события 1917 г. в момент их совершения и сразу же после воспринимались большинством скорее как классический дворцовый переворот, нежели как всенародная революция, а победу большевиков объясняли не поддержкой народных масс, а лучшей, чем у их соперников, организованностью и большей беспощадностью. Такая интерпретация событий, сформулированная их непосредственными участниками и свидетелями, доминировала в историографии Запада на протяжении полувека.

Довольно интересно, что подобное истолкование событий получило молчаливую поддержку как со стороны Ленина, так и со стороны Троцкого, ни один из которых никогда не утверждал (насколько я в силах вывести это

из их пространных и многочисленных писаний), что большевики одержали окончательную победу, поскольку опирались на широкие массы. Троцкий писал в своей «Истории русской революции», что в петроградских событиях в октябре 1917 г. приняли участие от двадцати пяти до, максимум, тридцати тысяч человек; и это в городе с двухмиллионным населением и в стране со стапятьюдесятьюмиллионным! Ленин, в свою очередь, не переставал жаловаться на пассивность масс и на их неспособность предпринять хоть что-нибудь, выходящее за пределы простого выживания. Я не знаю, читал ли Ленин Вилфредо Парето или Гаэтано Моску, но он определенно разделял их веру в политическую элиту.

Вот цитата из ленинской работы, датированной 1917 годом: «...в революционное время недостаточно выявить «волю большинства», — нет, — надо оказаться сильнее в решающий момент в решающем месте, надо победить. Начиная со средневековой «крестьянской войны» в Германии (...) вплоть до 1905 года мы видим бесчисленные примеры того, как более организованное, более сознательное, лучше вооруженное меньшинство навязывало свою волю большинству, побеждало его». Примечательные слова для революционера-марксиста. Звучат они вполне здраво, с учетом того, что большевистские организации были на тот момент малочисленны даже в рабочей среде. Известно, что в конце 1917 г. лишь чуть более 5% промышленных рабочих России принадлежали к коммунистической партии, — и это в стране, где промышленные рабочие составляли лишь 1—1,5% от общего количества населения.

Таким образом, негласное мнение вождей большевизма и практически единое мнение историков раннего поколения сводилось к тому, что в октябре 1917 г. произошла вовсе не революция, а переворот, то есть действие, предпринятое «более организованным, более сознательным, лучше вооруженным меньшинством», которое навязало «свою волю большинству», победило его. Другими словами, государственный переворот. В тридцатые годы, стремясь упрочить свою роль в октябрьских событиях, Сталин начал все больше говорить о роли партии в торжестве Октябрьской революции и навязал данную точку зрения советской исторической науке. Но после его смерти с последующей «деканонизацией», когда партии захотелось дистанцироваться от Сталина, главный упор стали постепенно переносить на весь народ. К 60-м годам коммунистические историки начали открыто подчеркивать ведущую роль «народных масс» в триумфе большевиков. Эту тему подхватили западные историки младшего поколения в 1960-е годы (эпоха разрядки), которые, по различным причинам, часть из них я уже упоминал (включая отвращение к роли, сыгранной США во Вьетнаме, и, якобы, нагнетанию Вашингтоном

холодной войны), пошли в ногу с профессионалами советской историографии. И вслед за ними начали подчеркивать вовлеченность широких народных масс в октябрьские события и утверждать, будто большевики вовсе не навязывали свою волю народу, а, напротив, действовали под давлением масс. Если отвлечься от менее благоговейного отношения к классикам марксизма-ленинизма и от следования правилам приличия, присущим научному миру Запада (впрочем, и эти правила соблюдались далеко не всегда), ревизионисты в своих трудах вторят советским коллегам почти буквально.

Позвольте мне теперь перейти к возникновению и природе партии большевиков. Вопреки своему названию, происходящему от соответствующего русского слова, в котором наличествуют смысловые оттенки как количественного, так и качественного преобладания, большевики до 1917 г. были самой малочисленной из трех главных партий русского радикализма: на протяжении почти всего времени у них было меньше приверженцев, чем у их соперников из социал-демократического лагеря меньшевиков, и уж гораздо меньше, чем у эсеров. Подавляющее большинство членов партии обитали в Великороссии. Статистические данные Пятого съезда социал-демократической партии, состоявшегося в 1907 г., когда большевики и меньшевики оставались еще партнерами, доказывают, что 78,3% большевистских делегатов съезда прибыли на него из великорусских губерний. Среди меньшевиков менее половины делегатов прибыло на съезд из великорусских губерний (точнее, 34%); большинство здесь составляли грузины, евреи и представители других национальных меньшинств.

Большевистская партия поддерживала свое «великорусское лицо» на протяжении всей истории своего существования. Так, на выборах в Учредительное собрание, проведенных в ноябре 1917 г., основное число голосов, поданных за большевиков, было отдано им в великорусских губерниях. И во время гражданской войны именно великорусские центральные губернии поставляли в Красную армию основное число бойцов. Обращая внимание на эти факты, русский эмигрантский историк Н.Н.Головин пишет, что наибольшую поддержку большевикам оказали регионы, в которых до 1861 г. проживало максимальное количество крепостных крестьян.

Теоретическим фундаментом партии большевиков был ленинский тезис — сам по себе совсем не марксистский, — согласно которому рабочий класс как таковой вовсе не является революционным. Ленин пришел к такому выводу на основе личного общения с рабочими в Санкт-Петербурге в середине девяностых годов девятнадцатого столетия, то есть в единственный период его жизни, когда он имел

непосредственные контакты с так называемым пролетариатом. Наблюдая за поведением и образом жизни как русских, так и западноевропейских рабочих, Ленин пришел к выводу о том, что рабочие, будучи предоставлены сами себе, оказываются неспособными выйти за рамки тред-юнионизма, то есть создания организации, призванной выбить у класса капиталистов максимальные экономические уступки, не покушаясь на капиталистическую систему в целом.

Из подобного умозаключения можно было вывести два практических следствия. Первое заключалось в том, что революция является нереальной целью и социалистам надо сосредоточиться на том, чтобы помочь рабочим добиться лучших экономических условий, уповая на приход к власти в неопределенном будущем скорее через выборы, нежели посредством баррикадных боев. Именно эта тенденция возобладала в европейском социалистическом движении в конце XIX столетия вслед за появлением бернштейнианства — реформистского движения немецкой социал-демократии. Но Ленин, для которого революция была самоцелью, никак не мог удовлетворяться этим. И он пришел к иному выводу: если сами рабочие не являются революционерами, то революцию необходимо принести им извне. Такая необходимость подразумевала, что носителями революции станут не реально трудящиеся в цехах фабрик и заводов рабочие, зараженные бациллой приспособленчества, а профессиональные и ничем другим не занятые революционеры.

Вот соображения Ленина по данному вопросу, имеющие, на современный слух, отчетливо «фашистское» звучание: «Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им, (...) надо готовить людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю жизнь». Эта доктрина имеет множество разветвлений. Но прежде всего она означает, что люди, призванные возглавить революцию, не могут быть рабочими, потому что рабочие не в состоянии посвятить «всю жизнь» революционной деятельности; в конце концов, им надо зарабатывать себе на хлеб насущный. Таким образом, даже если они изначально были рабочими, то, примкнув к движению, они обязаны превратиться в партаппаратчиков.

В 1900 г., пережив тяжелый психологический кризис из-за широкого распространения идей Бернштейна в российском социал-демократическом движении, Ленин объявляет, что «оторванное от социал-демократии рабочее движение... необходимо впадает в буржуазность...» Это высказывание переворачивает самый смысл марксизма, в верности которому Ленин не уставал клясться. По Марксу, эволюция капитализма должна неизбежно привести к пауперизации пролетариата, а затем, столь

же неизбежно, — к его радикализации.

Интересно, что десятью годами позже точно к такому же выводу пришел и Бенито Муссолини. Перед началом Первой мировой войны Муссолини играл в европейском социалистическом движении роль, чрезвычайно сходную с ленинской, будучи таким же, как Ленин, революционером и противником эволюции. Да он и был Лениным в итальянской социалистической партии, с той только разницей, что там, где Муссолини удалось повести за собой революционное большинство и избавиться от сторонников эволюции, Ленин, оказавшись в сходном положении у себя в России, обнаружил, что возглавляет всего лишь меньшинство, и был поэтому вынужден порвать с социал-демократическим истеблишментом. К сожалению, невозможно установить, пришел ли Муссолини к этому самостоятельно или под влиянием Ленина. Мы не можем со всей уверенностью судить о том, встречался ли он с Лениным в то время, когда оба они находились в эмиграции в Швейцарии; Муссолини лишь однажды загадочно обронил: «Ленин знал меня лучше, чем я его».

Мне представляется, что идеи политической элитарности, вождизма, равно как и истребления по национальному или классовому признакам, настолько носились в европейском воздухе перед Первой мировой войной, что нет необходимости каждый раз искать конкретные источники.

В первые годы XX века Ленин решил, что ему нужно создать политическую партию нового типа, которая привнесет дух революционного социализма в рабочие массы и одновременно будет готовиться к захвату власти в удобный момент. Этот момент связывался в его сознании с общеевропейской войной. В письме к своей возлюбленной, Инессе Арманд, отправленном в июле 1914 г., за несколько дней, а может быть и часов, до объявления войны, он написал на своем неуклюжем английском: «Best greetings for the commencing revolution in Russia». Судя по всему, он на опыте русско-японской войны пришел к выводу о том, что бойня радикализует массы, особенно в его стране, и делает революцию более возможной, если не вовсе неизбежной. (Кстати говоря, грядущие итальянские фашисты питали аналогичные надежды: Муссолини, подобно Ленину, верил, что рабочие, будучи предоставлены сами себе, настроены пацифистски и склонны к компромиссам, поэтому он придавал огромное значение войне как катализатору революции.)

В большевизме присутствует особый антидемократический, реакционный элемент, заставлявший кое-кого отрицать социалистическую природу большевизма, даже если вопрос о самой этой природе остается непроясненным. Концепция тоталитаризма тогда еще не была разработана, и никто не мог предположить, что партия Ленина станет провозвестницей

политических организаций нового типа, которые появятся уже вскоре и будут представлять собой вождистские диктатуры с опорой на массы, причем как интернационалистического («левого»), так и националистического («правого») толка. Партия, которую Ленин выковал и возглавил, не была на самом деле партией в общепринятом значении слова. Это был, скорее, орден, в том смысле, в каком называл «орденом» свою национал-социалистическую рабочую партию Гитлер, орден, основанный на неколебимой верности его членов своему вождю и друг другу, но не руководствующийся никакими другими принципами и не придерживающийся никаких обязательств перед любыми другими институтами. Подлинные политические партии стремятся увеличить число своих членов, тогда как такие псевдопартии — большевики оказались из них самыми первыми, итальянские фашисты и немецкие нацисты пришли позже — исповедовали эксклюзивную веру в то, что членство в «ордене» является своего рода привилегией и может предоставляться лишь тому, кто отвечает определенным идеологическим, классовым или расовым критериям. Тех, кого признавали недостойными, безжалостно изгоняли.

Назначение тоталитарной партии, прообразом которой стала партия большевиков, заключается не в том, чтобы составить правительство, но в том, чтобы манипулировать им из-за кулис. Братство партийцев должно было оставаться вне государственных институций, даже когда партия и дирижировала в политике всем. Придя к власти, новые правители создали «дуалистическое государство», в рамках которого традиционные органы управления — такие как министерства или органы юстиции — служат всего лишь фасадом, за которым скрывается подлинная власть, принадлежащая партии. Муссолини остроумно назвал созданную им фашистскую партию «капиллярной системой». Прототипом и в этом отношении была большевистская организация, созданная Лениным. Характерно, что партии тоталитарного типа не соперничают с традиционными политическими партиями, а уничтожают их.

В июле 1992 г. мне довелось быть в Москве и работать в архивах, только что ставших доступными для иностранцев. В то время проходил суд над КПСС. Конституционный суд РФ попросил меня высказаться на тему, была ли КПСС политической партией в общепринятом смысле слова; вопрос был задан в связи с обвинениями против КПСС, которые заставили президента Ельцина почти за год до суда объявить ее вне закона. Отвечая на вопрос, я отметил, что КПСС и впрямь не была ни на момент ее запрещения, ни когда-либо ранее политической партией в общепринятом смысле слова, но скорее, как и утверждало обвинение, специальным «механизмом» контроля за государством. Суд подтвердил президентский

указ, хотя и уклонился от того, чтобы сделать из собственного подтверждения соответствующие выводы.

В начале 1917 года партия большевиков была малочисленной, отчасти из-за того, что многие отошли от нее в период сравнительного порядка и процветания столыпинского правления, отчасти из-за сильных гонений политической полиции, разразившихся с началом Первой мировой войны, против которой партия выступала. Полиция внедрила в ряды партии изрядное число своих агентов. Достаточно в этом плане упомянуть о том, что главный думский оратор фракции большевиков работал на охранку. Так же поступал и издатель газеты «Правда», главного печатного органа ленинской партии; все статьи Ленина, опубликованные в «Правде» до ее закрытия в июле 1914 г., предварительно просматривались полицией.

Невзирая на малочисленность партии и внедрение в ее ряды полицейских осведомителей, большевики обладали по сравнению со своими соперниками и некоторыми серьезными преимуществами.

Ленин приравнивал политику к ведению войны. Разумеется, все марксисты в определенном смысле вели себя точно так же: ведь с точки зрения марксизма, политика представляет собой войну между классами. Но другие марксисты не руководствовались этим так буквально, как Ленин. Там, где его соратники были склонны усматривать заурядный политический конфликт, Ленин (и только он) видел цель любого конфликта в захвате власти и ликвидации соперников. Под ликвидацией он подразумевал не просто устранение их с поля политической борьбы, но физическое уничтожение. Такой подход к политике, разумеется, предоставлял Ленину серьезные преимущества в борьбе за власть. Однако, когда власть была захвачена, а противник «побежден», такой взгляд не давал понимания, как руководить обществом.

Большевики без колебаний прибегали к «беспощадному» террору (это определение часто употреблял Ленин, считая русских людей «чересчур мягкими», чтобы действовать с необходимой жестокостью). Официальная коммунистическая историография и те из западных ученых, кто разделяет с нею взгляд на вещи, утверждают, будто ранний большевистский террор был хотя и достойным сожаления, но неизбежным ответом на «контрреволюционную» деятельность противников режима. Этот аргумент никогда не выглядел убедительным, если учесть, что ЧК, или тайная полиция, главный инструмент и проводник «красного террора», была учреждена в декабре 1917 г., прежде чем возникло хоть сколько-нибудь организованное сопротивление новому режиму. Таким образом, «красный террор» не был вынужденной реакцией на враждебные действия, но скорее представлял собой профилактическую меру, призванную пресечь в зародыше даже мысль о сопротивлении диктатуре.

И Ленин, и Дзержинский позднее утверждали, что ЧК и развязанный ею террор «спасли революцию». Это справедливо, но только если подразумевать под «революцией» ленинскую партию.

Ленин видел себя главнокомандующим армии, ведущей перманентную политическую войну. И в разрешении этой частной задачи он, вне всякого сомнения, преуспел. В заключительной главе книги «Россия под властью большевиков» я утверждаю, что он не был выдающимся государственным деятелем — у него было мало конструктивных идей, — но был одним из величайших завоевателей во всемирной истории, человеком, покорившим родную страну таким способом, каким никто до него даже не пытался это сделать. Партии-соперницы — социалисты и отчасти либералы — были популистскими, базируясь на вере в мудрость, органически присущую русскому народу. Они не готовились заранее к битве и проиграли политику, для которого борьба была обычным занятием, а мир значил всего лишь передышку между двумя войнами.

Ленин стремился к власти. Подобное утверждение, казалось бы, не требует доказательств: в конце концов, властолюбие — неотъемлемая черта любого политика. Но в самой глубине души соперники Ленина власти не хотели. В 1917 г. эсерам и меньшевикам в какой-то мере нравилось то обстоятельство, что власть осуществляло «буржуазное» Временное правительство, тогда как им самим оставалась роль разоблачителей и критиков режима. Но Ленину хотелось куда большего. В апреле 1917 г. произошел знаменитый инцидент, сыгравший большую роль в советской агиографии. Ленин только что вернулся в Россию из Швейцарии. Его последователи сошлись с меньшевиками на том, что и те и другие удовлетворены постановкой дела, при которой социалисты через Советы контролируют «буржуазию» и не дают ей сойти с пути демократизации, а сами при этом не берут на себя ответственность за руководство страной. На Всероссийском съезде Советов в апреле меньшевик Ираклий Церетели заявил: «В настоящее время в России нет партии, желающей взять на себя ответственность за управление страной». На что Ленин со своего места в зале выкрикнул: «Есть!» И правда, никакая другая партия не была готова выставить подобные претензии. Эта жажда власти более чем компенсировала сравнительную малочисленность большевиков.

Еще одно преимущество, которым обладал Ленин, заключалось в том, что ему была безразлична судьба России. Ему не были безразличны Германия и Англия в том смысле, что для него как для революционера это были ключевые страны. Россию же он рассматривал лишь как точку опоры для всемирного переворота: отсталая страна, населенная, главным образом,

ненавистной деревенской «мелкой буржуазией» в двух ипостасях — самообеспечивающихся крестьян-середняков и так называемых кулаков. Такая страна не может совершить всемирную революцию; максимальное, на что она способна, — стать искрой, которая подожжет пороховой погреб за границей. На его взгляд, Россия была слабым звеном в цепи мирового империализма, порвав которое, можно было положить начало серии переворотов в самом сердце Европы. Для него стало глубокой личной трагедией то обстоятельство, что его ожидания в этом плане не сбылись, а революция так и осталась уделом России и ее колоний.

Поскольку ему были безразличны судьбы родины, Ленин без малейшей заботы о будущем готов был пообещать каждому все, что угодно. Крестьянам хотелось получить помещичью землю в общинное владение? Пусть берут ее: рано или поздно всю землю в любом случае отберет и коллективизирует государство. А пока суд да дело, раздача земельных паев по жребию завоюет или по меньшей мере нейтрализует крестьянство. Рабочие требуют, чтобы им передали управление заводами? Хотя «рабочий контроль» — это лозунг презренных анархо-синдикалистов, ничто не мешает пойти навстречу и этим требованиям — до поры до времени. Как только промышленность окажется национализирована и подчинена общегосударственному плану развития производства, «рабочий контроль» исчезнет, как будто его никогда и не было. Солдаты кричат о мире? Предоставим им мир; а когда «пролетарская диктатура» прочно возьмет власть в свои руки, их в обязательном порядке призовут на военную службу для участия в гражданской войне, которая должна охватить весь земной шар. Национальные меньшинства хотят получить независимость? Ради всего святого: им достаточно только попросить ее. «Право на национальное самоопределение», включая создание собственной государственности, гарантировано — правда, с негласной уверенностью в том, что его всегда можно будет пересилить правом более высокого порядка — на «пролетарское самоопределение». Такой чисто тактический подход ко всем политическим проблемам означал для большевиков существенную фору, потому что никакая другая партия из числа существовавших в России не была способна на подобную демагогию. Разумеется, когда пришла пора платить по счетам, связанным с такими посулами, Ленин отказался, оттолкнув всех тех, кто — пассивно или активно — помог ему прийти к власти, и создал тоталитарный режим, что якобы не входило в его намерения.

Наконец, Ленин был в уникальной мере лишен щепетильности: он был готов сотрудничать и заключать тактические союзы с кем угодно, если только это могло послужить его интересам, причем как в родной стране, так и за границей. К настоящему времени уже отпали последние сомнения

в том, что он брал деньги у императорской Германии, хотя та и находилась в состоянии войны с Россией; у нас имеется множество документов, датированных 1917—1918 гг., которые доказывают этот факт. Немцы пытались найти таких же предателей во Франции и в Англии, но безуспешно. Так или иначе, в России их ожидал успех, который им и не снился. А для них это было делом первостепенной важности, потому что с тех пор, как план Шлиффена потерпел неудачу, Германии было совершенно необходимо вывести Россию из войны, с тем чтобы получить возможность сосредоточить все свои силы на Западном фронте. В этом заключалась ее последняя надежда на победу против огромной коалиции демократических государств, совокупные человеческие и материальные ресурсы которых решающим образом превосходили ее собственные. Ленин, единственный из вождей европейского социализма, открыто призвавший к поражению собственной страны, счел сотрудничество с немцами при определенном повороте событий для себя выгодным. После своего возвращения в Россию он принял от немцев значительные суммы денег, чтобы восстановить практически распавшуюся партийную организацию и воскресить уничтоженную партийную печать. Ни одна другая партия или организация в России не была готова пойти на союз с внешним врагом и, соответственно, ни одна не смогла достаточно эффективно конкурировать с ленинцами, когда началась борьба за власть.

Немецкие субсидии не прекратились в октябре 1917 г. Они продолжали поступать и в 1918 г. — чуть ли не до самого момента капитуляции Германии. В июне 1918 г. из немецкого посольства в Москве в Берлин была послана телеграмма, согласно которой для удержания большевиков у власти им требовалась помощь в размере трех миллионов марок ежемесячно; эти деньги поступили и были использованы на подкуп латышей и других настроенных про-большевистски или нейтрально сил. В бывшем Центральном Партийном Архиве мне удалось найти разоблачительный документ, который тщательно прятали от посторонних глаз на протяжении семидесяти с лишним лет. Это телеграмма, посланная Лениным своему послу в Берне Якову Берзину. Датированная августом 1918 г., она требует не скупиться на траты для распространения коммунистической пропаганды на Западе. «Берлинцы вышлют еще денег, — заверял Ленин своего посла. — Если промедлят эти сволочи, жалуйтесь мне формально».

Временное правительство продержалось недолго, как и предсказывал Николай Второй. Царь отказался передать большие полномочия Думе не потому, что любил власть, — весь церемониал был ему ненавистен, — но потому, что он был убежден: заправлявшие в Думе политики неспособны на руководство страной; они были интеллектуалами, искушенными в

спорах и законодательной процедуре, но начисто лишенными административного опыта. И правда, как сразу же выяснилось, политические шаги Временного правительства и его партнера — Петроградского Совета, оказались полны противоречий. Так, например, Совет объявил продолжающуюся войну империалистической и, не переводя духа, призвал к ее продолжению до победного конца. Даже безграмотному рабочему или солдату было ясно, что это нелепость. И, призывая страну к продолжению боевых действий, Совет издавал всевозможные указы, сводящие на нет саму возможность военного успеха, как, в частности, знаменитый Приказ №1, вполне эффективно выведший солдатскую массу из подчинения у офицерства и политизировавший вооруженные силы.

На исходе весны 1917 г. в России воцарился хаос. Ленин, со своей интуицией завоевателя, ощутил неисцелимую слабость Временного правительства и преисполнился уверенности в том, что малейший толчок способен это правительство скинуть. Как выяснилось несколько позже, он недооценил если не силу Временного правительства, то его популярность. Трижды — в апреле, июне и июле — он пытался свергнуть его методом уличных беспорядков. В июле он чуть было не добился своего, но в критический момент самым загадочным образом утратил самоуверенность. Правительство уже готово было броситься в бегство, парализованное и неспособное на какие бы то ни было действия; за властью оставалось лишь протянуть руку, но тут Ленин дрогнул. Эта промашка едва не привела к гибели партию большевиков, потому что министр юстиции предал гласности некоторые документы из числа попавших в его распоряжение, доказывавшие связь Ленина с немцами. Когда информация об этом была доведена до сведения петроградского гарнизона, солдаты, придя в ярость, рассеяли толпы большевиков и сочувствующих им. Ленину пришлось перейти на нелегальное положение: три с половиной месяца — а это были решающие месяцы, непосредственно предшествовавшие октябрьскому перевороту, — он прожил на явочных квартирах — сперва в России, потом в Финляндии, потом вновь в России. Таким образом, подготовкой к октябрьскому перевороту и его осуществлением занимались сподвижники Ленина (включая Троцкого), которые избрали более осторожную тактику, заключающуюся в подготовке вооруженного восстания за дымовой завесой псевдозаконной деятельности Совета.

У Ленина имелось обыкновение приписывать оппонентам свои собственные качества: то есть, он ожидал от них действий, на которые сам решился бы, попав в аналогичные обстоятельства. После провала июльского путча он был убежден в том, что Керенский распорядится арестовать и расстрелять его самого и его сообщников, потому что он,

Ленин, на месте Керенского поступил бы именно так. И хотя ему удалось ускользнуть от полиции Временного правительства, Ленин смирился с тем, что его разгромили и тем самым с большевистским экспериментом покончили раз и навсегда. Отнесся к этому он с удивительным безразличием. Поселившись в шалаше за финской границей вдвоем со своим верным учеником Зиновьевым, он коротал праздные летние дни за сочинением трактата «Государство и революция», в котором подводил итоги несостоявшейся революции и извлекал из них уроки на пользу грядущим поколениям революционеров.

Но как раз тогда, внезапно и непредсказуемо, события начали принимать выгодный ему оборот. И к сентябрю ситуация дозрела до того, чтобы попытаться совершить еще один путч.

Совпадение трех обстоятельств помогло переломить ситуацию в пользу большевиков. Первым из них был провал начатого в июне 1917 г. наступления. Керенский, ставший в июле военным министром, полагал, что лучшим средством укрепить власть его правительства в стране станет воскрешение ура-патриотических настроений, чего можно будет добиться впечатляющей победой на фронте, — точь-в-точь такой, какую одержали генералы Французской революционной армии в 1792 г. Уроки Французской революции тщательно изучались российскими радикалами типа Керенского и в определенной мере доминировали в их сознании: они рассматривали разворачивавшиеся в России события через призму революционной Франции, как правило, — с самыми разрушительными последствиями. Июньское наступление моментально захлебнулось, и русская армия начала стремительно разлагаться.

Вторым фактором, пошедшим на пользу большевикам, оказалась неспособность Временного правительства созвать Учредительное собрание, что оно торжественно обещало сделать, принимая власть в марте. Только Учредительное собрание могло придать статус легитимности новой российской государственности. Вне всякого сомнения, если бы выборы в Учредительное собрание удалось провести, пока Временное правительство оставалось у власти, большинство в нем досталось бы соперникам большевиков эсерам. И если бы такое случилось, большевики едва ли смогли бы утверждать, будто они и только они являются подлинными представителями народа. Но правительство замешкалось с проведением выборов, потому что у него вечно находились более срочные дела, и это дало в руки большевикам бесценное оружие, позволив им утверждать, что правительство боится выборов и только передача власти Советам, осуществленная большевиками, сможет гарантировать своевременные выборы в Учредительное собрание.

Третьим фактором, самым непосредственным образом повлиявшим на

успех октябрьского переворота, — был так называемый мятеж Корнилова. Это крайне сложный эпизод революции, и в исторической литературе он находит, главным образом, совершенно неправильную оценку. Корнилова, как правило, изображают генералом-контрреволюционером, вознамерившимся свергнуть демократическое правительство и установить собственную диктатуру. Такая версия неверна, а своим широким распространением она обязана тому, скорее нехарактерному, обстоятельству, что она служила интересам обоих заклятых врагов — и Временного правительства, и большевиков.

В рамках данной работы у меня нет возможности обсудить этот инцидент во всех деталях. Достаточно упомянуть, что все произошло в результате сложной интриги, затеянной Керенским, который, чувствуя, как почва уходит у него из-под ног, захотел заручиться поддержкой Советов и в то же самое время избавиться от генерала, которого стал рассматривать в качестве опасного соперника.

Корнилов, которого Керенский назначил главнокомандующим после провала июльского путча, являлся скорее простодушным военачальником, пользовался широкой популярностью в армии, был страстным патриотом, однако искусства политика ему не хватало. Его ужасал распад и самого государства, и его любимой армии. Убежденный, что Корнилов является наиболее подходящим кандидатом в диктаторы со стороны всех консервативно настроенных сил, стремящихся к военному перевороту, Керенский обманным путем заставил его послать войска в Петроград, якобы для помощи в подавлении очередного большевистского путча. После того, как Корнилов выполнил этот приказ, Керенский обвинил его в том, будто он хочет захватить столицу, свергнуть правительство и взять власть в свои руки. Доказательства какого бы то ни было заговора со стороны Корнилова отсутствуют; зато имеется множество доказательств того, что Керенский вел двойную игру. Однако, к несчастью для премьер-министра, его конфликт с главнокомандующим не помог ему укрепить собственные политические позиции. Наоборот: этот конфликт снабдил большевиков доказательством того, что контрреволюция и впрямь надвигается, и настроил враждебно по отношению к Керенскому вооруженные силы, которые только и могли спасти его от очередного покушения на власть со стороны большевиков, как они уже поступили в июле. В октябре же, когда Керенскому вновь понадобилась помощь войск в борьбе с путчистами, они предпочли не расслышать его страстных заклинаний.

Хотя в сентябре 1917 г. ситуация самым драматическим образом переломилась в пользу большевиков, большинство из них, памятуя об июльском провале, по-прежнему не решалось действовать. Они добились

успеха на сентябрьских выборах в Советы, выступая под лозунгом «Вся власть Советам». Но если говорить о стране в целом, они оставались в меньшинстве. В особенности в армии, которая уже не хотела сражаться на фронте, большевиков не любили, считая их партией национальной измены. Крестьянство голосовало за эсеров. Тем не менее, интуиция подсказывала Ленину, что время нанести новый удар быстро приближается. Из своего тайного убежища он настоятельно торопил единомышленников действовать. Временное правительство слабо, внушал он, у него отсутствует воля к сопротивлению. Однажды он написал, что если большевики пообещают солдатам безотлагательный мир, а крестьянам — землю, то они привлекут их на свою сторону и «составят такое правительство, которое никто не свергнет». Когда читаешь эти письма Ленина — все четыре (они не предназначались для публикации и были преданы гласности лишь спустя годы), — то начинаешь осознавать, насколько не доверял Ленин движущим силам истории. Если большевики не нанесут удар немедленно, победа ускользнет от них, «промедление смерти подобно», — писал он. На взгляд историка, не ослепленного верой в «историческую неизбежность», ленинские высказывания являются доказательством того, в какой степени события в октябре 1917 г. были вопросом хорошо рассчитанного риска. Потому что, если революция и впрямь была неизбежной, то какое значение могло иметь, когда нанести удар — немедленно или позже? Однако это имело огромное значение. Ленин боялся того, что война может закончиться или что Временное правительство сдаст Петроград немцам. Боялся он также того, что Временное правительство успеет провести выборы в Учредительное собрание, вырвав у него из рук главное оружие. И действительно, правительство объявило в августе, что выборы в Учредительное собрание состоятся в ноябре; а Ленин, прекрасно понимая, что не сможет одержать на них победу, стремился захватить власть, прежде чем народ выразит свою волю.

Его соратники колебались. Они чувствовали, что время работает на большевиков, тогда как очередное фиаско типа провала июльского путча может покончить с ними раз и навсегда. Они предпочитали действовать в псевдолегальной манере, уповая на передачу власти съезду Советов — но только таких Советов, большинство в которых принадлежало бы самим большевикам. Я говорю о «псевдолегальности», потому что у большевиков, как и у любой другой партии, не было законного права созвать Всероссийский съезд Советов: это было исключительной прерогативой Центрального исполнительного комитета, а в нем доминировали эсеры и меньшевики. Но русские никогда не были склонны вдаваться в юридические и процедурные тонкости, и менее всего — в

смутное время революции и назревающей гражданской войны. Ленин же отвергал подобную стратегию. Он не верил даже тому, что незаконно созванный и укомплектованный главным образом его собственными сторонниками съезд Советов передаст власть его партии. Дождаться такого съезда — или идиотизм, или предательство, — писал он. Революция не дожидается, пока на ее сторону встанет большинство. Созывайте ваш съезд, раз уж вам этого так хочется, но сперва захватите власть и поставьте съезд перед свершившимся фактом.

Ночью 10 октября, когда состоялось тайное заседание центрального комитета партии, Ленин нелегально прибыл в город, чтобы участвовать в принятии решений. Он настаивал на немедленном проведении восстания. С наибольшей решительностью этому противостояли Каменев и Зиновьев, но и у других членов ЦК имелись сомнения. В результате Каменев дал интервью меньшевистской газете, в котором упомянул о возникших разногласиях. Ленин, впав в ярость, назвал его и Зиновьева предателями революции. И этими словами доказал, что замышляемое им самим революцией не является. Потому что как можно «предать» революцию?

Можно ли себе представить, чтобы кого-нибудь обвинили в том, что он предал Французскую революцию? Другое дело — государственный переворот, применительно к нему речь и впрямь может идти о предательстве.

Протоколы заседания ЦК, проведенного 10 октября, опубликованные коммунистами в 1927 г., не содержат упоминаний о решении по перевороту, который произошел двумя неделями позже. Хотя отчет о спорах по другим вопросам носит аутентичный характер, любые упоминания о главном пункте просто-напросто отсутствуют. В свое время я предполагал, что издатели сознательно изъяли соответствующие части стенограммы, чтобы подкрепить ложную версию, согласно которой октябрьские события были народной революцией, и написал об этом в книге «Русская революция». Но в 1992 г. я получил возможность увидеть рукописный подлинник протоколов заседания в ночь с десятого на одиннадцатое октября. Интересующая меня информация отсутствовала и там. Единственной причиной подобного умолчания могла быть только присущая Ленину одержимость конспирацией и страх перед тем, что, будучи занесена в протокол, информация немедленно просочится, поставив под угрозу срыва и без того рискованное предприятие. Разумеется, мы можем обойтись без письменных свидетельств о принятых резолюциях, потому что нам известны последующие события. Тактика большевиков заключалась в том, чтобы всевозможными провокациями вынудить правительство пойти на активные действия против них — и тем провозгласить наступление контрреволюции. И тогда, якобы встав на

защиту революции от ее предполагаемых врагов в лице Временного правительства, большевики смогли бы захватить власть, для чего они собирались взять под свой контроль стратегически важные точки столицы. Это должно было произойти ночью накануне первой сессии Второго съезда Советов, назначенной на 25 октября. На следующий день съезд должен был ратифицировать роспуск Временного правительства и передачу всей власти Советам. Принятый план боевых действий представлял собой компромисс между ленинским предложением о немедленном прямом захвате власти и мнением его соратников, склонявшихся к псевдозаконному камуфляжу.

Методы, при помощи которых была реализована эта стратегия, представляют значительный интерес, потому что комбинация прямого обмана, точно направленного насилия и стыдливой законности образует в совокупности модель, которой впоследствии воспользовались другие вожди тоталитарного типа. Событием, которое помогло большевикам запустить их план в действие, стало ожидаемое наступление немцев на Петроград. На второй неделе октября немцы отбили у русских несколько островов в Рижском заливе. И все сразу же уверовали, что эта военно-морская операция представляет собой первый этап генерального наступления на Петроград. Керенский, прислушиваясь к советам военачальников, начал подумывать о переносе столицы в Москву. Социалисты в Советах отреагировали на происходящее со всегдашней смесью мании преследования и истерии. Обвиняя правительство в стремлении сдать «красный Петроград» врагу, Советы предложили создать подчиненные им воинские части, которые смогли бы защитить город от предполагаемого немецкого наступления.

Большевики поначалу отнеслись к подобным планам отрицательно, поскольку им казалось, будто это усилит Временное правительство, однако затем изменили свою позицию на сто восемьдесят градусов, сообразив, что единственной силой, на которую смогут опереться Советы, станут их собственные вооруженные отряды под их собственным командованием — таким образом сами Советы предлагают идеальный фиговый листок для задуманного большевиками переворота. Согласившись с предложением о создании вооруженных сил, первоначально исходившим от меньшевиков, они добавили в Резолюцию пункт, согласно которому Военно-революционный комитет Советов защищает Петроград не только от немцев, но и от доморощенных «контрреволюционеров», под которыми понималось, разумеется, Временное правительство. Таким образом, с помощью меньшевиков и эсеров им удалось выковать механизм для захвата власти, поскольку Военно-революционный комитет, или ВРК, представлял собой лишь

вывеску их собственной военной организации. И, должно быть, не было случайным совпадением то обстоятельство, что заседание ЦК большевиков, на котором было принято решение о вооруженном восстании, состоялось на другой день после того, как Советы проголосовали за создание Военно-революционного комитета.

На протяжении двух недель, которые непосредственно предшествовали перевороту, действуя с молчаливого согласия Советов, большевики рассылали комиссаров во все воинские части, расквартированные в Петрограде и его окрестностях, а комиссары убеждали военных игнорировать все приказы правительства, если они не завизированы и Военно-революционным комитетом. Судя по всему, никто не воспротивился этому маневру, подорвавшему власть правительства над воинскими частями и передавшему последние в руки приспешников Ленина. Таким образом, удалось нейтрализовать петроградский гарнизон, насчитывавший 240 000 человек и представлявший собой единственную силу, способную сорвать замыслы большевиков.

Потрясшие мир события в ночь с 24-го на 25 октября никак нельзя назвать грандиозными; сколь часто так называемые поворотные пункты истории представляют собой на поверку выхолощенные и сугубо формальные действия, тогда как истинно важные события, затрагивающие и предопределяющие судьбу миллионов, не привлекают к себе — в момент, когда они происходят, — практически никакого внимания! Пока предпринимались решающие меры, Ленин по-прежнему оставался на явочной квартире. Неизлечимый трус, он спешил спрятаться при возникновении малейшей опасности для него лично, даже в те часы, когда призывал соратников вступить в вооруженную борьбу. Троцкий обладал куда большей личной смелостью и проявил себя в эти решающие дни гораздо активней — будоража толпы, издеваясь над Временным правительством и другими способами готовя переворот. Активно действовали также Подвойский, Невский и другие. Ночью 24 октября, без труда преодолевая вялое сопротивление сторонников Временного правительства, вооруженные отряды ВРК овладели ключевыми точками столицы — почтой, телеграфом, центральным телефонным узлом, штабом правительственного гарнизона. Переворот был бескровным. Петроград спал — и не сознавал, что, собственно, происходит. Правительственные караулы, охранявшие подлежащие захвату учреждения, распустили, а их личному составу предложили разойтись по домам. Аналогичным способом была захвачена и комендатура: командиры большевистских отрядов вошли в неохраемый Михайловский замок и заступили на место находившихся там офицеров. Сопротивления им не оказали. Как позднее выразился Ленин, взять власть в Петрограде оказалось так же просто, как

смахнуть пушинку.

На следующий день в руках у правительства оставалось лишь одно здание — а именно, Зимний дворец. Здесь скрывались министры, уповая на защиту со стороны женского батальона, инвалидного взвода, самокатной роты и некоторого числа юнкеров. Это здание так и не подверглось штурму: широко распространенная фотография, на которой колонна рабочих и красногвардейцев идет на приступ дворца, представляет собой подделку: это кадр из фильма Эйзенштейна «Октябрь», снятого в 1927 г., с использованием массовки. Несколько попыток пойти на приступ были и впрямь предприняты, но каждый раз, попадая под огонь, штурмующие отступали. В конце концов женщины, инвалиды и самокатчики покинули Зимний дворец, потому что нигде не показывался Керенский, убивший в одолженной американской автомашине на фронт за поддержкой. Когда большая часть защитников дворца его уже оставила, нападающие проникли через открытые окна и задний вход. Им не оказывали сопротивления, потому что министры сказали юнкерам, оставшимся до конца и выражавшим готовность сражаться, что они не хотят кровопролития. Министры безвольно сдались, и путч на этом закончился.

И все же Ленин, как всегда, осторожничал. Он взял власть не по требованию партии большевиков — выражение «партия большевиков» нигде в ранних документах не фигурирует, — но по воле Совета. И он объявил, что желает создать переходное демократическое правительство; слово «социализм» отсутствует в декларации, извещающей о свержении Временного правительства, которую он набросал ранним утром 25 октября. Сперва он написал: «Да здравствует социализм!» — но потом, передумав, вычеркнул эти слова, чтобы никого не переполошить. Поэтому никто и не заподозрил, что произошло нечто важное: казалось, будто состоялся всего лишь переход от двоевластия к единовластию, в результате которого более сильный партнер — Советы — взял всю ответственность на себя. На следующий день рестораны были полны народу, в оперном театре состоялся спектакль, жизнь вернулась в обычную колею. Казалось, что произошел и миновал всего лишь еще один правительственный кризис, которые резко участились с тех пор, как отрекся от престола царь. Большевики упрочили это ощущение, назвав свое правительство также временным. Широко распространилось убеждение в том, что, как только Учредительное собрание будет созвано, большевики благородно передадут ему власть. И новые хозяева ничего не предпринимали для того, чтобы развеять эти иллюзии.

Большевики действительно провели выборы в Учредительное собрание, но как только стало ясно, что они получили всего 24% голосов и,

соответственно, новое правительство предстоит формировать эсерам, они поторопились «Учредилку» распустить. После этого они удалили из названия своего правительства определение «временное» и начали насаждать однопартийный режим, при котором (за вычетом нескольких месяцев 1918 г., когда часть министерских портфелей была отдана левым эсерам, отколовшимся от основной массы партии) путь к власти был открыт только членам партии большевиков.

В осуществлении всего этого большевикам бесконечно помогли страхи и иллюзии социалистов демократического толка, за которых в совокупности проголосовали почти три четверти населения страны и которые, следовательно, могли бы опереться на широкую поддержку народных масс, вздумай они действовать решительно. Они прекрасно понимали, к чему в действительности стремятся большевики; понимали, что те, вопреки своей демократической риторике, собираются ввести однопартийную диктатуру. Но активно действовать им мешало опасение, что любая попытка ликвидировать последствия большевистского переворота приведет к гибели социалистического движения как такового и к торжеству контрреволюции. Вот что писала на следующий день после захвата власти большевиками меньшевистская «Новая жизнь»: «Необходимо считаться прежде всего с тем трагическим фактом, что всякая насильственная ликвидация большевистского переворота неизбежно явится вместе с тем ликвидацией всех завоеваний русской революции».

На протяжении революции и последовавшей за нею гражданской войны меньшевики и эсеры критиковали большевиков, но во всех решающих обстоятельствах поддерживали их в борьбе с политическими и военными противниками. С особой наглядностью это проявилось в 1919 г., когда они выступили рука об руку с красными в борьбе против белых и подорвали тем самым вооруженное сопротивление большевизму. Не раз возникали ситуации, в которых рабочие и солдаты обращались к меньшевикам и эсерам с предложением совместной борьбы против большевиков, но социалисты демократических партий неизменно отказывались по той причине, что подобная борьба укрепила бы силы реакции. Далее, они оправдывали собственное нежелание противостоять новой власти на любом уровне, кроме чисто словесного, тем, что время работает на демократию, поскольку, оставаясь партией заведомого меньшинства и столкнувшись с беспрецедентной по сложности проблемой построения социалистического общества, большевики рано или поздно окажутся вынужденными пригласить демократов в правительство. Подобная мотивация заставила их держаться крайне пассивно. И в конце концов все они — за исключением тех, кто эмигрировал, — оказались

уничтожены.

Данный краткий очерк наводит на мысль о том, что события, имевшие место в октябре 1917 г., были классическим — применительно к ситуации нашего столетия — государственным переворотом, осуществленным без опоры на массы. Это был с ювелирной точностью нанесенный удар — удар по нервным центрам современного государства, осуществленный под лживыми лозунгами, призванными нейтрализовать народные массы, удар, подлинными целями которого стали явными, только когда новые претенденты на власть прочно уселись в седло. Курцио Малапарте в своей книге «Переворот: Техника революции» (Нью-Йорк, 1932), говоря о технологии насильственного захвата власти в современных условиях, в значительной мере строит свой анализ на событиях русской революции; оказавшись свидетелем аналогичных процессов в Италии при Муссолини, он провел необходимые параллели.

Население оказало новому режиму слабое сопротивление в тот период, когда такое сопротивление могло стать решающим фактором, потому что ему казалось, что эта власть долго не продержится. В так называемом советском правительстве были склонны видеть горстку спятивших утопистов, которые будут сметены с политической сцены столь же стремительно, как они на ней появились. Когда политика, проводимая большевиками, стала ущемлять интересы рабочих и крестьян (первых в результате ликвидации «рабочего контроля» и независимых профсоюзов, а вторых — безжалостной продрозверсткой), — и те и другие взбунтовались. 1920-й и 1921 г. стали годами массового сопротивления новому режиму. Как показал историк Владимир Бровкин, подлинная гражданская война началась лишь после того, как армии белых были уже разгромлены. Война вылилась в столкновение миллионов крестьян с миллионами красноармейцев — и счет потерь в этой войне шел на сотни тысяч. Но было уже слишком поздно. У восставших моряков Кронштадта, рабочих Петрограда, мятежных крестьян Тамбова или Сибири было не больше шансов победу, чем при царях у повстанческих армий Степана Разина и Емельяна Пугачева.

И все же захвату власти, осуществляемому подобным образом, присуща собственная логика, о наличии которой большевики имели лишь туманное представление. Навязав стране правление меньшинства и отказавшись даже от размышлений об уступке или хотя бы разделе власти, они тем самым заложили фундамент тоталитаризма. Ленин искренне верил в то, что стоит подавить «контрреволюцию», как в стране восторжествует народная демократия. Но когда «контрреволюция» обернулась не только сравнительно тонкой прослойкой помещиков, у которых экспроприировали их землю, буржуев и чиновников, но и подавляющим

большинством населения страны, а власть ему отдавать не хотелось, он оказался вынужден создать в высшей степени репрессивный режим. Его несколько нелепое и путаное поведение в 1921-м и 1922 г. может, в общем и целом, быть объяснено отчаянием, овладевшим им, когда он почувствовал, сколь многое пошло вкривь и вкось, или, как он сам сформулировал это однажды, водитель направил машину в одну сторону, а та почему-то поехала Бог весть куда. Отказываясь выпустить из рук руль, он волей-неволей создал условия, сделавшие неизбежным приход к власти единоличного диктатора, который оказался еще решительней и безжалостней, чем сам Ленин.

Глава третья Почему на смену Ленину пришел Сталин?

Как уже отмечено выше, падение царизма было хоть и возможным, но никак не неизбежным. Что касается победы большевиков в октябре 1917 г., то, как и предвидел Ленин, дело здесь зависело от воли случая: для того, чтобы большевики взяли власть и сумели удержать ее в своих руках, их противники должны были совершить целый ряд ошибок. На тот момент казалось куда более вероятным, что власть в России после падения царизма перейдет к коалиции консервативных генералов и политиков, чем к коммунистам. Что же касается третьего «почему» русской революции — почему на смену Ленину пришел Сталин? — то здесь возвращение к понятию исторической неизбежности представляется мне более уместным.

На мой взгляд, после того как большевистская диктатура была установлена и Ленин принялся проводить в жизнь свою химерическую программу без малейшей оглядки на почти повсеместную оппозицию ей, — аппарат, созданный им, при тяжелой болезни вождя естественным образом перешел на сторону Сталина, наиболее компетентного и популярного из большевистских лидеров. Такой вывод полностью противоречит взглядам представителей школы ревизионизма, которые, считая крушение царизма и торжество большевиков исторически неизбежными, рассматривают восхождение Сталина к вершинам власти как не поддающийся разумному объяснению факт. Хотелось бы мне услышать удовлетворительное марксистское объяснение того обстоятельства, что после смерти Ленина история в продолжение тридцати лет наделяла тем, что сам Ленин называл «необъятной властью», деспота, которого те же ревизионисты считают предателем дела Ленина. В частности, они не осмеливаются задать вопрос: почему, если Ленин, как они утверждают, пользовался в 1917 г. широкой народной поддержкой,

созданный им режим оказался вынужден с самого начала прибегнуть к методу диктатуры, и почему этот метод, который сперва оправдывался как система чрезвычайных мер, стал впоследствии перманентным признаком коммунистической системы.

Часто приходится слышать, будто Сталин похитил революцию и при нормальном развитии событий власть должна была перейти к Троцкому или, возможно, к Бухарину. У каждого из двух вышеназванных имеются приверженцы среди историков, однако ни у одного из них не было ни малейшего шанса стать «законным наследником» по собственному выбору Ленина: мы узнали из архивных источников, что Ленин забраковал Троцкого: «Он в аппарат влюблен, а в политике ни бе — ни ме», — и настойчиво требовал, чтобы Бухарина держали «вне» политики. Изучая документы этого периода, неизбежно приходишь к выводу о том, что Сталин заметно опережал соперников в борьбе за ленинский пост, возможно, уже в 1920-м и со всей определенностью — в 1922-м. Возникновение сталинизма имеет три главные причины: 1) провал попыток большевиков в 1919—1920 гг. экспортировать революцию на промышленно развитый Запад; 2) огромная ответственность, связанная с необходимостью управлять каждым аспектом жизни в стране Советов и принятая на себя компартией, следствием чего стало возникновение столь же огромной партийной бюрократии; и 3) рост оппозиции правлению интеллигентов, которая охватила рабочие круги — то есть основную избирательную базу компартии. Но, как я покажу ниже, вопрос о личностях тоже сыграл свою роль.

Начнем с провала попыток экспортировать революцию. Как я уже объяснял выше, большевики пришли к власти в России лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств. Сложилось так, что власть в России оказалась слаба и неспособна (не всегда по своей вине) справиться с тяготами долгой войны на истощение. Эта власть пала в разгар войны, тогда как правительствам всех остальных стран — участниц войны удалось удержаться у власти. Большевики захватили власть в России, потому что это оказалось возможным именно в России. Имейся у них выбор, они предпочли бы Германию или Англию. Но раз уж судьба распорядилась так, что они стали хозяевами России, им надо было экспортировать революцию на промышленно развитый Запад. Они считали Россию отсталой крестьянской страной с малочисленным и недостаточно сознательным рабочим классом. Они боялись — и не раз говорили об этом сами, — что если им не удастся перенести революцию в Западную Европу, их детище погибнет, а коммунизм увязнет в трясине мелкобуржуазной крестьянской культуры.

По этой причине жизненно необходимо было как можно быстрее

перенести пожар на Запад, где, как полагали сами большевики, имелся многочисленный и воистину классово-сознательный пролетариат. При всей своей приверженности реализму, они были поразительно наивны в вопросе о революционном потенциале рабочего класса Западной Европы. Они не понимали — и отказывались прислушаться к мнению на сей счет иностранных коммунистов, — что европейские рабочие чтут право частной собственности и, получая выгоду от крупных социальных программ, вовсе не заинтересованы в свержении существующего строя. Большевики отмахивались от подобных рассуждений, считая их отговорками, призванными оправдать бездеятельность. Они были настолько одержимы манией принимать желаемое за действительное, что истолковывали любые волнения на Западе как начало революции. Большевистская пресса 1918—1920 гг. полна заголовками, извещающими о «Революции в Финляндии», «Революции во Франции», «Революции в Италии». Каждая забастовка, каждая демонстрация протеста, каждый правительственный кризис рассматривались ими как верный признак полного крушения существующего строя. Ленин надеялся развязать всеевропейскую гражданскую войну еще до окончания мировой. Обладая крайне скудными кадровыми и финансовыми возможностями, он провоцировал мятеж войск и рабочие забастовки как в странах Антанты, так и у ее противников. Но успех ускользал от него, поскольку западные правительства достаточно внимательно следили за такой подрывной деятельностью. Когда война завершилась, перед ним, как ему показалось, открылись воистину безграничные перспективы, особенно в центральных державах, потерпевших поражение и деморализованных. Зимой 1918—1919 г., сразу же после падения императорской власти в Германии, Москва толкнула прокоммунистическую группу «Спартак» к открытому мятежу. В марте 1919-го — основала Коммунистический интернационал для организации всемирного революционного движения. Агенты Коминтерна активно действовали повсюду: то в Иране и в Турции, то в Венгрии и Австрии, и многократно в Германии. Но вновь и вновь успех ускользал. Ни в одной европейской стране не удалось разжечь революции. Коммунизм пришел в Европу — по меньшей мере, в ее восточную половину — лишь как отзвук Второй мировой войны, он въехал в нее на советских танках.

Надежды на европейскую революцию достигли пика летом 1920 г., во время войны с Польшей. Причины и ход этой войны — по праву слывущей одной из самых судьбоносных в истории — даже на сегодняшний день остаются не вполне проясненными. Изучив всю совокупность доступных на данный момент документов по интересующей нас теме, я пришел к выводу, что обе противоборствующие стороны — поляки и русские —

готовились напасть друг на друга, не осознавая того, что и будущий противник ведет аналогичные приготовления. Йозеф Пилсудский, глава нового польского государства, который в октябре 1919 г., то есть в решающий период гражданской войны в России, помог красным разгромить белых, потому что первые представлялись ему меньшей опасностью для Польши, разработал долгосрочную стратегию. Он был убежден в том, что неизбежно настанет день, когда Германия и Россия вновь поднимутся и протянут друг другу руки, чтобы раздавить Польшу. Для предупреждения такой катастрофы он решил создать цепь буферных государств, отделяющих Польшу от России. Звеньями этой цепи должны были, на его взгляд, стать прибалтийские государства, Белоруссия и даже республики Кавказа, а замком, на котором держится цепь, он представлял себе Украину. Пилсудский заключил союз с лидером украинских националистов Симоном Петлюрой, с тем чтобы помочь ему изгнать коммунистов с уже захваченной ими Украины и образовать союзную Польше независимую Украинскую республику. Вторгшись на территорию советской Украины в апреле 1920 г., Пилсудский вовсе не хотел свергать советский режим в России, он преследовал ограниченную цель, а именно помочь возникновению независимого Украинского государства пропольской направленности.

Существуют, однако же, фрагментарные и разрозненные доказательства того, что большевики, руководствуясь собственными соображениями, планировали примерно в то же время напасть на Польшу. Я не верю в то, что руководству Красной армии было известно о польских планах вторжения, равно как и в то, что поляки знали о приготовлениях со стороны Красной армии. Большая часть информации о подготовке к такому нападению по-прежнему таится в российских архивах. Но шифрограмма, посланная в феврале 1920 г. Лениным Сталину, который тогда был членом реввоенсовета Южного фронта, приоткрывает завесу. В ней Ленин спрашивает о том, какие меры принял Сталин для формирования «ударного кулака», нацеленного на польскую Галицию. Есть и другие факты, свидетельствующие о наступательных планах. Они связаны с общим развитием событий в Западной и Южной Европе, где Ленину, с его воспаленным воображением, чудились мощные революционные движения, готовые к вооруженному восстанию и нуждающиеся в поддержке Красной армии. Как я покажу ниже, Ленин воспринял победу, одержанную над белыми, как сигнал к победоносному маршу Красной армии на Запад.

Поляки ударили первыми. Они пошли на Киев, заняли его в начале мая 1920 г., но вскоре их наступление захлебнулось, а затем они повернули обратно. Украинское общенациональное восстание, на которое они

рассчитывали, так и не вспыхнуло; напротив, множество русских, особенно консервативные и националистические элементы, встали на сторону коммунистического режима, рассматривая его отныне как защитника Отечества. Поляков быстро прогнали — и тут встал вопрос, следует ли Красной армии вторгаться на территорию собственно Польши? Троцкий был против этого: англичане предупредили Москву, что если Красная армия пересечет так называемую линию Керзона, отделяющую территории, заселенные этническими русскими и украинцами, от земель, на которых проживают этнические поляки, то Великобритания выступит на защиту Польши. Однако Ленин решил пойти на риск. Он был убежден в том, что пришла пора начать победоносный марш на Запад.

Российские архивы недавно рассекретили его доклад в сентябре 1920 г., после поражения Красной армии в Польше, проливающий свет на эти события. Из всех рассекреченных архивных документов, относящихся к тому времени, этот, возможно, наиболее впечатляющий. В крайне бессвязной речи — даже для человека, которому свойственна была беспорядочность в изложении мыслей, — Ленин утверждает, что после разгрома белых армий, которые, на его взгляд, были всего лишь наймитами Антанты, Политбюро решило, что оборонительная фаза конфликта с капитализмом завершена — коммунизм одержал в ней победу. Настало время перейти в наступление. И Германия, и Англия охвачены социальными беспорядками. Особенное значение он придавал появлению в Англии Совета Действия — организации, созданной в августе 1920 г. конгрессом тред-юнионов и лейбористской партией для проведения всеобщей забастовки в том случае, если английское правительство решит оказать военную помощь Польше. Не понимая английских реалий, Ленин был и впрямь убежден в том, что британский Совет Действия был аналогом российских Советов и что, соответственно, летом 1920 г. Англия оказалась в том же положении, в каком Россия была в феврале 1917 г. Он говорил о «сотнях тысяч» немецких коммунистов, готовых выступить навстречу Красной армии, вторгшейся в Польшу. Ему виделся неизбежный революционный взрыв в Южной Европе. В другой шифрограмме Сталину, датированной июлем 1920 г., он писал, что пришла пора «поощрить революцию в Италии», а по пути советизировать Венгрию, Чехословакию и Румынию.

Разгром Красной армии на полях Польши явился, судя по всему, результатом чрезмерной уверенности большевиков в собственных силах. Троцкий настойчиво возлагал ответственность за него на Сталина, утверждая, что тот, будучи политическим комиссаром Южной армии, вторгшейся в Галицию, нарушил приказ, согласно которому эта армия должна была соединиться с силами Тухачевского, осадившего Варшаву.

Но судя по тексту ленинской телеграммы, можно предположить, что подлинная миссия Сталина заключалась во вторжении в южные области Центральной Европы и в Италию. Мне представляется, что Ленин решил, будто Варшава и так никуда не уйдет и армия должна развивать более широкие стратегические цели. Это ошибочное убеждение заставило его совершить еще одну роковую ошибку. Он приказал Тухачевскому выделить из войск, осаждавших Варшаву, сильную ударную группу, включая кавалерийский корпус, и перебросить ее в Померанию. Судя по всему, ему хотелось решить тем самым две задачи: воссоединиться с воображаемыми толпами немецких коммунистов, якобы устремившимися на восток, и заручиться поддержкой немецких националистов, уступив им Польский коридор и тем самым воссоединив Восточную Пруссию с остальной Германией. Оставив Сталина на юге и заставив Тухачевского идти на Померанию еще до того, как Польша была сокрушена окончательно, Ленин создал необходимые предпосылки для так называемого «чуда на Висле». Кстати говоря, вопреки распространенному мнению, поляки обязаны победой вовсе не французам, военную миссию которых они изолировали, а стратегические рекомендации игнорировали.

Поражение в Польше потрясло Ленина. Полагаясь на свои революционные интуицию и опыт, он приказал Красной армии и так называемому Полревкому (Польскому революционному комитету, которому предстояло образовать советское правительство Польши) выдвинуть те же лозунги, какие уже доказали свою эффективность в России, — захватывай землю, бери под свой контроль фабрики и заводы, вешай кулаков и буржуев. Но в Польше эти лозунги не сработали. Позже Ленин жаловался немецкой коммунистке Кларе Цеткин на то, что польские крестьяне и рабочие не пришли на помощь Красной армии, а вместо этого встали на защиту панства — то есть польских помещиков, — захватывая и убивая отважных русских парней, пришедших освободить их. Здесь он столкнулся с чем-то, чего так и не смог понять, — с совершенно иной политической культурой, нежели та, что преобладала в его собственной стране, — культурой уважения частной собственности и чуткости к патриотическим призывам.

Троцкий сказал Чан-Кайши, главе Гоминдана, поддерживавшему в тот период тесные контакты с Москвой, что после поражения в Польше Ленин распорядился, чтобы Красную армию впредь не использовали для непосредственных операций за границей во избежание столкновений с местным национализмом.

К 1921-му всем, кроме самых неисправимых оптимистов, стало ясно, что события октября 1917 г. не повторятся больше нигде и, следовательно, на неопределенное время революция будет ограничена территорией

России и ее владений. Теория «построения социализма в одной стране» была выдвинута не Сталиным во время его конфликта с Троцким, а раньше — самим Лениным.

Столь кардинальная перемена курса имела неизбежные последствия, о которых Ленин заговорил вслух, а Сталин учел в своих действиях. Ленин, судя по всему, пришел к выводу, что раз уж коммунизм восторжествовал в России по окончании и в результате мировой войны, то и его триумф на всем земном шаре станет возможен только после еще одной мировой войны. Разумеется, следовало использовать все революционные ситуации, складывающиеся за границей, по мере их возникновения, но главным образом следовало опираться на построение в советской России несокрушимой современной военной машины для подготовки к этому мировому конфликту. В дипломатическом плане хороши были любые средства для обострения отношений между Германией и странами Антанты.

В 1921 г. Ленин и Троцкий наладили военное сотрудничество на постоянной основе с немецким рейхсвером, предоставив ему тем самым возможность обойти ограничения, наложенные Версальским договором, и предложив организовать производство и испытание запрещенных видов вооружений (танков, боевых самолетов, подводных лодок и отравляющих газов) на советской территории. В обмен немецкая сторона предоставила советской инструктаж в области самой современной военной стратегии и тактики. Это сотрудничество, закончившееся лишь осенью 1933 г. и сыгравшее огромную роль в модернизации как советской, так и немецкой армий, становится лучше известным только сейчас, после рассекречивания советских архивов, потому что немцы уничтожили большую часть относящейся к данному вопросу документации.

Главной целью советской дипломатии в 1920—1921 гг. и в последующий период стало предотвращение сближения между Германией, Францией и Англией. В архивах я нашел примечательную инструкцию, выданную Лениным комиссару иностранных дел Георгию Чичерину в начале 1922 г., когда готовилась Женевская конференция. Цель этой конференции, созванной странами Антанты, состояла в том, чтобы устранить наиболее острые противоречия финансового и иного рода, отделяющие их как от Германии, так и от России, и реинтегрировать эти страны в международное сообщество. Общеизвестно, что конференция была саботирована сепаратным договором между Германией и Россией, подписанным в Рапалло, благодаря которому их двусторонние проблемы оказались разрешены. Но ранее нам не было известно, что Ленин умышленно саботировал Женевскую конференцию, судя по всему, из страха перед сближением Германии с ее недавними противниками. Он

писал Чичерину, возглавлявшему советскую делегацию в Женеве: «Нам выгодно, чтобы Геную сорвали... но не мы, конечно». Он советовался с наркомом иностранных дел о том, как добиться этой цели, и просил его вернуть записку на предмет ее последующего уничтожения. Записка, к счастью, не была, как предполагалось, сожжена и позволяет пролить дополнительный свет на подрывную тактику советской дипломатии в послевоенном мире.

Провал попыток экспортировать революцию означал, что возникает необходимость создать стабильное государство и профессиональное чиновничество для управления этим государством. Подобная задача требовала людей совершенно иного типа, чем профессиональный революционер, большую часть сознательной жизни проведший в подполье. И правда, сам устав партии большевиков гарантировал, что ее члены не занимаются ничем иным, кроме революционной деятельности, поскольку она требует полной отдачи. Соратники Ленина были неспособны руководить нормально функционирующим государством, иметь дело с ворохами всевозможной писанины, издавать инструкции разбросанным по всей стране партиячкам, назначать чиновников низшего уровня, — все это казалось им невыносимо скучным. Сталин был единственным из числа крупных большевиков, у кого имелись и вкус и талант к подобной рутине. Это и стало решающим фактором его восхождения на вершину власти.

Теперь позвольте мне обратиться к проблеме чиновничества. Советская бюрократия разрослась в таких невероятных масштабах, потому что при коммунизме все без исключения, в чем участвовало двое или больше людей, должно было проходить под руководством партийных органов. Вся экономика страны, ранее находившаяся, главным образом, в частных руках, управлялась теперь из единого центра; точно так же обстояло дело со всеми общественными институтами, со всеми культурными объединениями, с духовенством, со всем вплоть до самых мельчайших ячеек общества, потому что, будучи опытными революционерами, большевики прекрасно понимали, что самые безобидные на первый взгляд организации могут служить ширмой для политической активности. Это означало создание гигантской бюрократической машины. А поскольку кадры самой компартии явно не подходили для решения такой задачи ни по числу, ни по уменью, — режиму пришлось взять на службу так называемых буржуазных специалистов. За этими затаившимися классовыми врагами требовался столь же жесткий надзор, как за «военспецами» в годы гражданской войны. Такая необходимость обусловила резкий рост численности и полномочий политической полиции, которая, начиная с 1920 г. и далее, проникла в каждую область жизни страны Советов.

Сталин рано понял, что, прибегнув к принципу материальной заинтересованности, может создать мощный бюрократический аппарат, преданный лично ему. В апреле 1922 г. Ленин назначил его генеральным секретарем. Ниже я объясню, почему это произошло. Используя это положение, Сталин принялся осыпать милостями верхний слой партаппарата, находившийся в Москве. Он обеспечил ключевым аппаратчикам лучшие жилищные условия, дополнительные продовольственные пайки, поездки на лечение в санатории Запада и т.д. К тому времени, когда Ленин по состоянию здоровья стал вынужденно отходить от дел, а точнее — от повседневного руководства партией и страной, в советской России уже сложилась привилегированная каста партийных чиновников, общим числом от пятнадцати до двадцати пяти тысяч человек, в значительной части обязанная своим назначением сталинскому секретариату. Эта группа, обосновавшись в Москве, становилась все более и более независимой от партийной массы, исчислявшейся на тот момент сотнями тысяч, лишив последнюю права голоса в решении текущих партийных дел, причем не только общенациональных, но и местных — в их собственных округах.

Вначале Ленин плохо осознавал, какой оборот принимают события. В своей работе «Государство и революция», написанной в 1917 г., он предсказывал, что в условиях коммунизма бюрократического чиновничества не останется: каждая кухарка сможет править государством, а через непродолжительное время люди сами привыкнут к тому, что ими никто не управляет. В январе 1919 г., в полемике с меньшевистским историком Н.А.Рожковым, он написал, что предложение Рожкова о том, чтобы Ленин взял на себя диктаторские полномочия для разрешения продовольственного кризиса, является «пустяком», потому что аппарат разросся в такой степени, что им не сможет управлять никакой диктатор. Когда в 1922 г. Троцкий привлек его внимание к тому факту, что на содержание партийного аппарата уходят десятки миллионов рублей золотом, Ленин вышел из себя от изумления и гнева. Он распорядился провести чистку, чтобы избавить партию от оппортунистов и приспособленцев, однако это не дало ощутимых результатов. В последние месяцы перед тем, как его сознание угасло, он был буквально одержим вопросом о бюрократии, обдумывая все новые способы сократить ее численно и повысить эффективность ее работы. Но результат оказался нулевым. Всемогущая партийно-государственная диктатура, которую он ввел в России, уже зависела от своих собственных слуг.

Третьим фактором, способствовавшим торжеству Сталина, было нарастающее сопротивление коммунистической системе со стороны рабочего класса. На Девятом съезде партии, прошедшем весной 1920 г., а

потом и на Десятом, состоявшемся год спустя, члены партии, остающиеся у станка, высказали серьезные возражения против принятой линии. Они говорили, что партия бюрократилась и что аппарат контролируют партийные интеллигенты, «белоручки», никогда не занимавшиеся физическим трудом и быстро перенявшие привычки царского чиновничества. Они требовали радикальных перемен в этом плане. Каждый партийный функционер, предлагали они, должен по три месяца ежегодно заниматься физическим трудом — в промышленности или в сельском хозяйстве. Постепенно, по мере приобретения опыта рабочими кадрами, управление государственной экономикой следовало передавать профсоюзам. Такие требования выдвинули старейшие рабочие-большевики с партийным стажем, начинавшимся до 1917-го и даже до 1905 г.

Тем самым Ленину был брошен вызов. Ленин всегда терпеть не мог то, что он называл «самодеятельностью», а мы назвали бы «демократией». Он никогда не верил — ни до революции, ни после нее — в то, что рабочие сами по себе способны построить социализм или руководить экономикой. В ярости он обрушился на весь русский пролетариат. В обращении к Одиннадцатому съезду партии (1922) он сделал поразительное заявление о том, что в России вообще нет пролетариата в марксистском смысле, а лишь всевозможные лодыри, поступающие на заводы, чтобы уклониться от службы в армии. В ответ на что Александр Шляпников, один из ведущих большевистских лидеров из рабочих, руководитель так называемой «рабочей оппозиции», взял на себя дерзость публично поздравить Ленина с принадлежностью к «авангарду несуществующего класса». Позднее он поплатился за подобные высказывания жизнью.

Теперь Ленин серьезно беспокоился о будущем партии. Возникновение оппозиции в ее рядах (внепартийная оппозиция была эффективно ликвидирована) предоставляло ему два пути. Он мог согласиться с необходимостью демократизации партии, мог дать рабочим и другим лояльным оппозиционерам право голоса при принятии партийных решений и вообще восстановить те рудименты партийного самоуправления, которые имелись у большевиков до и во время революции. Но проникнутый всегдашним неверием в готовность рабочих согласиться с его типом радикализма, он боялся, что подобные уступки ослабят, а то и сведут на нет революционное рвение, равно как и лишат партию ее величайшего достижения — железной дисциплины и единства. Поэтому он предпочел второй путь: подавление организованного недовольства в рядах партии. На Десятом съезде он заставил соратников принять секретную резолюцию, запрещающую то, что он называл «фракционной борьбой». Под этим он понимал любую организованную

оппозицию курсу, формально принятому руководящими органами партии — Политбюро и Центральным комитетом. Одной из причин, по которым Ленин выбрал на роль генерального секретаря именно Сталина, была его уверенность в том, что тот сумеет подавить любую «фракционную деятельность» и не даст партии сойти со строго ортодоксального пути. Он, однако же, не сумел понять, что Сталин будет рассматривать как «фракционную деятельность» также и любую оппозицию лично себе и своим методам управления. Тем самым были уничтожены остатки демократии внутри компартии.

Троцкий проголосовал за эту резолюцию, преданную гласности лишь год спустя, — и уже в скором времени оказался жертвой налагаемых ею ограничений. Каждый раз, когда он пытался собрать группу единомышленников, чтобы направить партию по другому пути или вступить в конфликт лично со Сталиным, его обвиняли во «фракционной борьбе». И доказывать обратное он мог с великим трудом, потому что сам провозгласил: «Партия всегда права». Это неизбежно означало, что всегда прав оказывается и тот, кто контролирует партию. А история сложилась так, что этим человеком был не он, а его самый заклятый враг.

Сталин все чаще использовал свое положение для того, чтобы назначать на ответственные посты преданных ему лично людей. Это стало проще после того, как Москва отказалась от выбора первых секретарей губкомов — губернаторов нового режима — местными парторганизациями. К 1922—1923 г. они все назначались из центра. Почему? Подобная практика оправдывалась тем, что функционеры, избранные на местах, недостаточно заботились об общенациональных делах, подходя к ним с чисто местнических, позиций. Поэтому, объяснял московский центр, у него не остается иного выхода, как направлять в губернии администраторов с общенациональным и международным видением проблем. Эти назначения, то есть фактически создание собственной клиентуры, — производились Сталиным, единственным из вождей партии, входившим во все три ее центральных органа: в Политбюро, ведавшее политическими вопросами; в Оргбюро, занимавшееся кадровой политикой; в Секретариат, через который шла служебная переписка. Троцкий же входил лишь в один из этих органов — в Политбюро. Таким образом, Сталин оказался в положении вне конкуренции, обеспечив свое восхождение еще до смерти Ленина.

И наконец неизменный личностный фактор. Попутчики коммунизма и коммунисты, верящие в коммунизм с человеческим лицом, начиная с 1953 г. потратили много усилий, стремясь изобразить Сталина человеком, извратившим образ Ленина и ленинизм, захватившим власть, воспользовавшись ленинской болезнью. В создание этого мифа внес свою

лепту и Троцкий, наговорив и написав множество полуправды и прямой лжи относительно своих собственных и сталинских взаимоотношений с Лениным. Его версию событий подкрепила биография Троцкого в трех томах, написанная в льстивом тоне Исааком Дойчером и основанная на очень шаткой документальной базе. Имеются, однако же, достоверные свидетельства того, что, за исключением последних четырех месяцев сознательной жизни — вплоть до марта 1923 г., когда у Ленина случился последний удар и он лишился дара речи, — Ленин был в дружеских взаимоотношениях со Сталиным, полагался на его суждения и поручал ему все более и более ответственную работу. В то же самое время, в письменных источниках отсутствуют какие бы то ни было доказательства того, что он испытывал личную симпатию к Троцкому. Ленин ценил талант Троцкого и его вклад в дело революции и по этой причине противился попыткам сталинских клеветников Зиновьева и Каменева отстранить Троцкого от дел. Но дружеских отношений у них не было.

Троцкий никогда не пользовался популярностью у старой гвардии большевиков, даже в зените своей славы, когда он возглавлял Красную армию. Он поздно вступил в партию — в июле 1917 г., всего за три месяца до октябрьского переворота. А на протяжении предшествующих пятнадцати лет он нападал на Ленина и его сторонников в той язвительной манере, которая считалась в русских радикальных кругах признаком хорошего тона. Все это создало ему репутацию оппортуниста. Вдобавок к этому, он не был «командным игроком» и однажды отказался от поста, предложенного ему Лениным. В 1922 г. Ленин, плохо себя чувствуя и надеясь на помощь, захотел назначить Троцкого одним из четырех своих заместителей. Я видел документ с резолюцией Политбюро по этому поводу: все были согласны с назначением, за исключением самого Троцкого, который «категорически отказался». Подобное своеволие было для партии с военной дисциплиной беспрецедентным и непростительным. Троцкий отреагировал на полученное предложение таким образом, потому что он счел данный пост не соответствующим собственной значимости, что, однако же, не помешало ему позднее утверждать, будто Ленин назначил его своим преемником. Кроме того, Троцкий был резок и заносчив. В архивах хранятся результаты голосования на выборах в ЦК, состоявшихся на Десятом съезде партии в 1921-м, то есть за год до того, как Сталин занял место генерального секретаря. По сумме поданных за него голосов Троцкий пришел к финишу десятым, заметно отстав от Сталина и даже от Молотова.

И последним по порядку, но не по значимости фактором, помешавшим Троцкому стать преемником Ленина, было его еврейское происхождение. Троцкий терпеть не мог, когда ему напоминали о том, что он еврей. Стоило

кому-нибудь обратиться к нему с просьбой о помощи другим евреям, он впадал в ярость и принимался утверждать, будто является вовсе не евреем, а «интернационалистом». Однажды он сказал, что судьба евреев касается его столь же мало, как судьба болгар. Он находился на Украине в 1919 г., когда белые и зеленые устраивали там чудовищные погромы. Ни разу он не предпринял ничего, чтобы предотвратить эти погромы, даже когда у него имелась такая возможность, как это было в конце 1920 года, когда красная кавалерия, отступая из Польши, вырезала массу евреев. В октябре 1923-го, борясь за собственное политическое выживание, он пояснил пленуму ЦК, что отказался от предложенного ему поста заместителя предсовнаркома двумя годами ранее потому, что, хотя его еврейское происхождение не имеет никакого значения лично для него, оно имеет значение для страны в целом, и ему не хотелось давать дополнительные аргументы врагам Советской власти, и без того утверждавшим, что Россией правят евреи. Он добавил, что, хотя Ленин отмахнулся от этого возражения, в глубине души он вынужден был признать правоту Троцкого.

Все эти факторы не давали Троцкому возможности стать преемником Ленина. Сталин же был его полной противоположностью. Остается загадочным то, сколь разительно отличался ранний Сталин, на протяжении первых пяти лет существования Советской власти, или, по крайней мере, казался отличным, — от того кровавого тирана, в которого превратился позже. «Командный игрок», умеющий стусеваться при необходимости, приятный грузин, приглашавший гостей к себе на дачу попеть, поплясать, повеселиться, он пытался подружиться с каждым, включая даже Троцкого, пока тот не оттолкнул его. Когда Ленин, утратив способность заниматься государственными делами, жил в Горках, Сталин навещал его чаще, чем кто бы то ни было другой. Что же касается Троцкого, то в конце 1922 г. он расспрашивал, как проехать в Горки, — судя по всему, он там ни разу не был.

Троцкий постоянно бомбардировал Ленина пространными меморандумами, в которых объяснял, сколь многое идет вкривь и вкось в Советской России и как исправить допущенные ошибки. Ленин часто нацарапывал на этих меморандумах резолюцию «В архив», — это значило, что никаких действий по выводам и предложениям Троцкого предпринимать не следует. Сталин, напротив, посылал ему лишь кратенькие записки, содержащие разбитые по пунктам предложения относительно того, как лучше реализовать принятые Лениным решения, никогда не оспаривая сами эти решения.

Ленин распознал подлинные амбиции Сталина с опозданием — в конце 1922 г.; а в марте 1923-го — незадолго до того, как с ним случился удар, приведший к угасанию сознания, Ленин предложил сместить

Сталина с поста генерального секретаря. Но если внимательно прочесть эту знаменитую записку, то что, собственно говоря, в ней сказано? Сталин груб, нетерпим, нелоялен к товарищам, капризен — все это сравнительно небольшие изъяны, присущие ему скорее как администратору, нежели как человеку. Ленин, очевидно, не смог проникнуть в глубь личности Сталина и разглядеть во мраке его души грядущего убийцу миллионов. Ленин всего лишь решил, что Сталин по своим личным качествам не соответствует порученной ему должности. Вопреки этому нежеланию Ленина, именно Сталин, вместе с Каменевым и Зиновьевым, руководил партией, проводил в жизнь ленинскую волю и, за немногими исключениями типа тех, что возникли по национальному вопросу, смотрел на происходящее глазами Ленина.

Я убежден в том, что Сталин совершенно искренне считал себя учеником Ленина, призванным успешно завершить начатое учителем дело. За одним-единственным исключением — убийство товарищей по партии, то есть преступление, которого Ленин не совершал, — он верно проводил в жизнь ленинскую программу как во внутренней, так и во внешней политике. Он удержал партию от опасностей, связанных с «фракционной деятельностью»; он «ликвидировал» колеблющуюся интеллигенцию; он провел коллективизацию сельского хозяйства, как хотел того Ленин; он подчинил всю экономику страны единому плану; он провел индустриализацию России; он создал могущественную Красную армию; он пошел на сотрудничество с немецкими националистами с целью предотвратить стабилизацию положения в Европе; он помог развязать Вторую мировую войну, выполнив тем самым еще одну из задач, намеченных самим Лениным.

Хотя кое-кто из историков по-прежнему пытается противопоставить «хорошего» Ленина «плохому» Сталину, это различие становится все труднее доказывать, особенно теперь, когда даже в России от него отказались все, кроме самых твердокаменных коммунистов.

Печатается в переводе и по изданию Владимира Аллоя.